Марго Генер

Частицы магии.

Огонь

Романтика. Магия. Приключения

Марго Генер

Частицы магии. Огонь

«ЛитРес: Самиздат»
2017

Генер М.

Частицы магии. Огонь / М. Генер — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Когда с детства привыкаешь, что жизнь тебе не принадлежит - приказы и требования кажутся нормой. Воля верховного мага нерушима, слово матери - тем более, а вера в любовь существует только на страницах древних книг. Но что если мир больше, чем кажется, и верховный маг лишь песчинка на полотне мироздания? А миров великое множество, и среди них есть такие, куда людям лучше не соваться. Но это людям.

© Генер М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог. 5
Глава 1 10
Глава 2 17
Глава 3 25
Глава 4 37
Глава 5 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Пролог.

Я вжала голову в плечи и старалась не смотреть на мать, которая с красным от гнева лицом ходит по кухне и причитает.

– Чем, чем ты думала, дитя мое? Сколько раз наказывала не говорить ни с кем без моего разрешения? Говорила? И что, послушала меня, дочь моя? Деревенские парни не для тебя!

Выслушивая мамину отповедь, я стояла возле печи и трогала пяткой раскаленный уголек, выпрыгнувший на пол. Уголек отдает приятным жаром, который бывает лишь от березовых дров.

Я спросила тихо:

– А кто для меня?

Мать перестала бегать по дому. Остановившись, грозно посмотрела и откинула прядь со лба.

– Дочь моя, – произнесла она, – я не знаю. Но никто из простых смертных не сможет стать тебе достойным мужем. Только на той неделе ты сожгла два платья. Что будет, если в момент близости, вспыхнешь, как факел и сожжешь благоверного? Деревенские пойдут к верховному магу, будет суд. Нет, дорогая моя, никаких пастуших сынов.

– Но мама… – попыталась возразить я в надежде, что получиться достучатся через ее затвердевшее упрямство.

Но она вскинула ладони и отвернулась.

– Слышать ничего не желаю. Ты подвергаешь опасности себя, меня, дом и всю Звенящую долину. Только жители Нижнего мира владеют огнем. Но ты родилась здесь, и мой святой долг защищать тебя от себя самой.

Я тяжело вздохнула и оглянулась на печь, где потрескивают поленья, а языки пламени весело пляшут, словно зовут с собой поиграть.

С самого детства усвоила – моя жизнь не будет такой, о какой мечтают все девочки Звенящей долины. Наш с матерью дом находится на отшибе. Чтобы добраться до него, нужно пройти через пшеничное поле и подняться на холм. А потом тарабанить в дверь, и надеяться, что откроют.

Когда мама поселилась здесь, дом был настолько ветхим, что во время дождя приходилось расставлять ведра и тазы. С потолка нещадно текло. Понадобилось несколько месяцев, чтобы привести его в приличное состояние.

Своими руками, в одиночку, к тому же беременная, она по крупицам восстанавливала избу, а когда, наконец, удалось, вызвала местную ведьму. Та зачаровала его, чтобы не боялся солнца и дождя.

Спустя пару месяцев, в жаркий летний день родилась я. Мать успела послать голубя за повитухой, но пока та забралась на холм, я уже огласила дом пронзительным писком.

Увидев меня, повитуха нахмурилась и сказала:

– Печать на дитятке твоем. Не простая судьба будет.

На что моя мать гневно зыркнула на нее и выгнала, сказав:

– Иди к верховному магу и там пророчествуй. А нас не трогая, ведьма.

– Ведьма, ведьма… – пробормотала повитуха, уходя. – Дитя твое печатью жертвенного огня мечена. Силы. Да не ясно, какой природы…

С тех пор мать оберегала меня больше, чем следовало. В лес я ходила только с ней, за водой только с ней, даже когда приходили дети из деревни, она садилась у порога и неустанно наблюдала.

А сегодня я рассказала о сыне пастуха, с которым вот уже год скрываемся от посторонних глаз, встречаясь у границы с Нижним поречьем.

Видя, как я осунулась и поникла, мать чуть смягчилась. Помахав к себе и дождавшись, когда подойду, обхватила мое лицо ладонями и проговорила:

– Дитя мое, Агата, пойми, есть вещи, которые могут постичь лишь боги. Мы, простые смертные, должны следовать их заветам и не гневить.

– Но как мы с пастушьим сыном можем прогневить богов? – спросила я, уставившись в глаза матери.

Она покачала головой и проговорила:

– Это мне тоже не известно. Но если они позволили бежать из Нижнего поречья, спастись от страшной участи быть забитой насмерть, нужно быть благодарными и не испытывать судьбу. Мы и так живем не как все. К счастью, верховный маг Звенящей долины, куда разумнее мага поречья. Будь благодарной, Агата.

Я опустила глаза. Когда мать заговаривала о благодарности, становилось стыдно, даже если ничего не сделала. А если сделала – хотелось сгореть на месте. Но, в отличие от обычных людей, мне пламя доставляет лишь удовольствие и покой, а когда возгораюсь, наступает почти блаженство. Именно поэтому деревенские со мной не общаются, а мать стережет денно и нощно, как бы что не вышло.

Отойдя обратно к печке, я сунула пальцы в огонь. Пламя ласково окутало теплом, по коже прокатилась волна удовольствия, добралась до самого сердца и заставила биться чаще. Не то, чтобы я была сильно влюблена в сына пастуха. Но сама возможность сделать что-то самой, сделать выбор, будоражила и влекла.

Мать подошла и стала справа, глядя в печь.

– Мы должны быть осторожны, – произнесла она. – Деревенские уже окрестили тебя огненной ведьмой. Как же они далеки от истины…

– Почему ты не говоришь, кто я? – спросила я, наконец решившись.

– Придет время, сама все узнаешь.

– Ты всегда отвечаешь так, когда не знаешь, что сказать, – сказала я с горькой усмешкой.

Мать промолчала. Краем глаза заметила, как опечалилось лицо, словно на ее плечах непомерный груз, который несет с начала времен. Но вытащить из нее что-то, что рассказывать не хочет, не смог бы даже верховный маг Нижнего поречья. Было известно лишь, что она сбежала оттуда и попросила убежища в Звенящей долине потому, что в поречье беременная девушка без мужа считается позором и достойна самого сурового наказания.

Ее приняли, разрешив поселиться в разваленном доме на холме. Единственным условием верховного мага была беспрекословная верность. Мать согласилась. Чего и требовала от меня.

– До ночи Лунного сияния всего пара месяцев, – сказала я. – Будут гулянья и праздник. Мне снова нельзя пойти?

Мать вздохнула.

– Ты же наешь, – сказала она. – Это опасно.

Я хотела возразить, но в этот момент в дверь постучали. Мы в испуге оглянулись. Едва мать сделала шаг, дверь распахнулась и на пороге появился верховный маг Звенящей долины. Высокий и худой, с длинным острым носом, который больше подходит ведьме. На голове шляпа без полей, но с высокой тульей, а сам в широкой мантии.

Мама попыталась вытолкать меня в другую комнату, но маг сказал:

– Пусть останется. Разговор как раз о ней.

Мать охнула, я сжалась, решив, что меня хотят казнить.

Лицо мага, непроницаемой и холодное, словно вырезано из скалы. Глаза недобро сверкают и сверлят взглядом.

– На Звенящую долину снова напали огнекрылые, – сказал он. – Сгорела деревня в верховье реки, а селенье у рощи чудом уцелело.

Я вздрогнула и зажала рот ладонями. Огнекрылые, страшные твари из Нижнего мира, не беспокоили уже пятьдесят лет, а атака означает новые беды.

Мать спросила тихо:

– А люди?

– Погибли, – коротко ответил маг.

– Ужасно, – проговорила мама. – Это ужасно. Я молю богов, чтобы они перестали нападать…

Лицо мага потемнело, лоб покрылся морщинами.

– Мольбы не помогут, – сказал он.

Я в страхе смотрела то на мага, то на мать. Она пару секунд молчала, потом подняла тревожный взгляд на главу Звенящей долины и спросила:

– Но почему вы пришли к нам? – спросила она.

Маг вздохнул, лицо стало таким, какое бывает у людей, сообщающих дурные вести.

– Я воззвал к оракулу, мне было видение. Мы можем спасти долину.

Мать было улыбнулась, но, видя напряженно лицо мага, спросила с тревогой:

– Что за видение?

Маг посмотрел на меня и снова вздохнул, мать вцепилась в спинку стула, а я попятилась, пока не уперлась в стену. Тревога в груди нарастала, а когда стала нестерпимой, в голове помутилось, и я сползла на пол.

Сердце застучало, как у испуганного кролика, громко отдаваясь в висках, я подняла взгляд на мага. Мама подбежала и обняла, словно могу вспыхнуть и прямо сейчас превратиться в пепел.

– Неужели нет другого выхода? – выдохнула она.

Верховный маг покачал головой.

– К сожалению, нет, – сказал он. – Твоя дочь единственная, кто может спасти всех.

В эту секунду поняла – мои желания лишь пепел в прогоревшем костре, а мечты о сыне пастуха, так и останутся мечтами.

Сердце застучало сильней. Повинуясь какому-то древнему инстинкту, я поднялась, прошмыгнув мимо изумленного мага, и выскочила за дверь.

– Агата! – донесся вскрик матери из-за спины, но я уже стояла на пороге.

В лицо пахнуло свежим вечерним воздухом, наполненным запахом трав и кухонь, которые тянутся из деревни. Местные жены традиционно готовят вечером, чтобы в остальной день заниматься другими делами.

В доме послышался ропот. Чтобы вновь не оказаться лицом к лицу с магом, я спрыгнула с крыльца и побежала вниз по тропе, в сторону холмов.

Земля за день нагрелась, и стопы впитывают благословенное тепло, пока спускаюсь мимо зарослей падуба. Плечи все еще трясутся от осознания, что маг и мать так просто распоряжаются моей судьбой, словно я коза или корова. Мысли прыгают то к народу Нижнего мира, то к верховным магам, то к Нижнему поречью, но постоянно возвращаются к сыну пастуха.

– Он все поймет, – бормотала я под нос. – Он любит… Он обещал защищать… Он скажет, что делать…

Я бежала мимо деревни, которая раскинулась под холмом и пыталась понять, почему должна рисковать ради тех, кто всю жизнь меня сторонится, почему должна слушать приказы мага. Но чем дальше убегала, тем больше понимала, как люблю это место.

Ноги сами принесли на южный холм. Я остановилась на краю обрыва и замерла. Подо мной раскинулась вся чаша Звенящей долины, обширная, утопающая в зелени.

Закатное солнце разлило золото по всему небу и бросает последние лучи тепла на засыпающий лес. Откуда-то снизу доносятся трели сверчков, вечерний соловей распевает на разные лады, легкий ветерок колышет волосы.

Но когда вдалеке заметила черные клубы дыма, сердце сжалось. Темное облако поднимается широкими столбами и медленно ползет в нашу сторону, время от времени в небо взмывают огненные крылатые твари, чтобы с новой силой устремиться вниз.

– Боги… – вырвалось у меня.

– Они снова напали, – раздался голос за спиной.

Я оглянулась. Сын пастуха застыл передо мной в одних портках. Весь черный от копоти, волосы на виске подпалились, укоротившись на ладонь, а на животе свежий ожог.

Я охнула и бросилась к нему, но пастуший сын отпрянул.

– Не трогай, – сказал он, – еще болит.

Застыв, я подняла взгляд и к ужасу прочитала в его глазах обвинение. К горлу подступил комок, в груди защемило.

– Они так давно не нападали… – только и смогла произнести я.

– Давно, – согласился сын пастуха, морщась так, словно у него горит не только кожа, но и внутренности, – и теперь решили отыграться. Огненное племя! Сам Ферал пожаловал. Врывается в дома, крушит, сжигает все, что под руку попадается. И…

Пастуший сын странно посмотрел на меня. Показалось, в нем борются два человека, и никак не могут решить, что делать. Я снова подалась вперед, но сын пастуха выставил перед собой ладонь, продолжая сверлить меня взглядом.

– Почему ты так на меня смотришь, – с тревогой спросила я. – Почему не даешь тебе помочь?

Он еще не много помедлил, потом сказал нервно:

– Ферал… Он ищет тебя.

– Меня? – выдохнула я и отшатнулась.

– Жжет дома с требованиями выдать ему огненную ведьму, – произнес пастуший сын. – И… Агата…

Новая волна тревоги прокатилась по телу, как ураган, я прижала ладони к груди и сказала почти шепотом:

– Что, что такое? Говори же.

– Я сказал ему, – наконец, признался он. – Сказал, где твой дом. Прости меня, Агата. Я люблю тебя. Но… лишь ты можешь спасти Долину. Агата, ты меня ненавидишь? Агата?

Но я его не слышала. В голове эхом отдаются слова «я сказал ему», и мир постепенно становится расплывчатым.

Пытаясь за что-нибудь ухватиться, стала шарить рукой, но на холме лишь трава, и я просто медленно осела на землю. С пастушьего сына слетел налет отстраненности, он бросился ко мне и прижал к груди, словно забыл об ожоге.

– Агата, прости меня, – зашептал он на ухо. – Прости меня, я не знал, что делать. Он требует тебя, иначе грозится сжечь Долину. Всю! Агата, прости меня… Я…

– Всю?.. – механически повторила я, чувствуя, запах гари и пепла в его волосах.

Его затрясло, он отстранился и посмотрел на меня обреченно.

– Да, да, ты все понимаешь, – проговорил он нервно, – ты же все понимаешь. О, Агата! Он всех превратит в головешки! Он требует тебя!

– Но почему?

– Я не знаю, Агата. Не знаю. Но ты можешь всех спасти.

Меня опять затрясло, в груди закрутился огненный комок, готовый вырваться на свободу не хуже пламени огнекрылого. Но я боялась ранить пастушьего сына, который, и так сильно обожжен. Я смотрела на него и пыталась понять, как можно одновременно испыты-

вать злость и нежность, пока он глотал воздух пересохшими губами. Но слова верховного мага постепенно стали обретать смысл.

Чувствуя, как кожа постепенно начинает накаляться, я отстранилась и поднялась. Пастуший сын подскочил следом, будто его ошпарили.

– Агата, – произнес он тихо, – ты меня ненавидишь?

– Нет, – бесцветно ответила я, чувствуя, как любовь к сыну пастуха сгорает вместе с домами в деревне. – Я ненавижу огнекрылых.

Потом развернулась и быстрым шагом направилась по тропе в сторону дома.

Глава 1

Огонь в камине тихо потрескивает, бросая отблески на каменный пол. Поленья красные от жара, а перед топкой на железной пластине в полу отражаются языки пламени.

На деревянных колоннах у боковой стены пляшут остроконечные тени. Когда глянула на часы, стрелка сдвинулась, показывая без четверти полночь.

За колоннами сгустилась плотная темнота. Кажется, мир ужался в точку перед очагом и уместился на медвежьей шкуре, где сижу я. Чувство тревоги змеей свернулось в районе груди.

Во дворе загрохотало, куры и поросенок испуганно за кричали, а медные подсвечники на камине с лязгом подпрыгнули.

Я вздрогнула и прошептала, чувствуя, как холодеют пальцы:

– Прибыл.

Потом подогнула ноги и дрожащей рукой потянулась за чашкой с молоком.

В дальнем углу скрипнула дверь. Оборачиваться не стала, но учуяла сильный запах гари, и сердце сжалось. В голове поплыли ужасающие картины мира, где есть лишь огонь, а по склонам хребтов течет расплавленная порода.

Я нервно вздохнула и отхлебнула из чашки.

Когда шаги приблизились и замерли, за спиной послышалось шуршание. Затем на плечи упал плед из овечьей шерсти. Я осталась неподвижной, стараясь смотреть в очаг и выгоняя из головы жуткие мысли.

Над ухом прозвучал глубокий, как бездна шепот:

– Не спишь?

По шее скользнул сухой палец, кожу обжег горячий, как клеймо, поцелуй, оставив зудящую отметину. Я отклонилась от полыхающих глаз и произнесла, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

– Осторожней, я не твои огненные девки. Ошпаришь.

Он опустился рядом на шкуру и пробубнил виновато:

– Прости, Агата. Но ты ведьма огня, если верить верховному магу. Тебя не обжечь. А эта крошечная печать, лишь знак моей привязанности.

– Клеймишь, как корову, – отозвалась я тихо. – Да и кто знает, как на самом деле. Огненной ведьмой меня назвали деревенские. А верховный маг что хочешь скажет, и кого угодно продаст ради своих целей.

Перепончатые крылья Ферала растопырились, как навес, и заняли половину комнаты. Он придвинулся ближе и осторожно, чтобы не обжечь, обнял за плечи.

– Продаст, – согласился он. – Но у тебя был выбор. Ты могла сбежать, покинуть Звенящую Долину и не соглашаться на условия.

– Не было, – еще тише ответила я. – Не было выбора. И сбежать я не могла. Тебе это известно, иначе нашла бы способ избежать этой ужасной участи. Ты грозил сжечь всю Долину, если бы тебе не выдали меня. Разве это выбор?

Огнекрылый хмыкнул. Его пальцы сжались на плече и медленно поползли по рукам.

Я задрожала, под кожей забегали огненные мурашки. Сцепив зубы, стала думать о матери, которая делала все, чтобы защитить меня от огненных исчадий, но они все равно нашли лазейку.

– Прекрати, – попросила я.

Ферал развернулся меня и пристально посмотрел огненными глазами. Черная, как антрацит кожа, блестит в свете огня, тонкие губы приоткрыты, изо рта вырываются прозрачные струйки пара.

Язык моментально пересох, в груди ухнуло. Я сделала глубокий вдох, стараясь прогнать страх, и отстранилась. Ужас перед огнекрылыми тварями в сердцах жителей Звенящей долины воспитывался веками, и избавиться от него тяжело.

Ферал проговорил охрипшим голосом:

– Сегодня ночь Лунного сияния, помнишь?

Я кивнула.

– Как забыть, – произнесла я сдавленно, – что обещала огненному демону станцевать с ним в главную ночь столетия?

– Такое не забывают, – согласился он.

А я продолжила чуть уверенней:

– И не важно, что обещание вытащил угрозами и пытками. Слово есть слово, тем более, данное при трех свидетелях из Верхнего, Среднего и Нижнего мира.

Он хмыкнул, а я встала, скинула плед и осталась лишь в прозрачной шелковой сорочке. Носить много одежды не разрешала мать из-за вспышек.

– Дай мне несколько минут, – произнесла я.

Ферал отклонился назад, положил антрацитовый локоть на колено, раздвинув ноги, так, что лишь короткая повязка осталась прикрывать его достоинство. Затем приглашающе провел ладонью и сказал:

– Сколько угодно, моя госпожа. Я ждал сотню лет, когда ты, наконец, станцуешь со мной танец вечности, и мы отправимся в огненные чертоги.

Я в очередной раз содрогнулась при мысли, о предстоящей участи, потом посмотрела исподлобья и ответила:

– Что меня совсем не радует. Я делаю это ради Долины. Помни, ты обещал оставить ее в покое.

– Мое слово нерушимо, – ответил он, выпуская из ноздрей дым.

Отвернувшись, я глянула в окно. Под холмом у края деревни торчат обугленные остатки пекарского домика.

Когда в прошлый раз огнекрылые напали, сгорело три дома. Людей успели спасти. Но огненное племя, пятьсот лет мучило народ Звенящей долины атаками. Жгли дома, разоряли стада и убивали жителей. Даже всесильный королевский маг ничего не смог сделать, когда три века назад огненная стая налетела на деревню у дворца и спалила дотла.

Ферал наблюдал за мной, как кот, охотящийся за мышью, потом произнес:

– Маг Звенящей долины сделал мне драгоценный подарок. За него я готов даже забыть о налетах. Уверен, мне будет не до них.

Я горько усмехнулась.

– Я должна радоваться? Лучше бы оракул увидел воина.

– Возможно, – предположил огнекрылый, – маг тоже хотел получить героя, который сразит нас, великих огнекрылых из Нижнего мира.

– А появилась я. Девочка с рыжими волосами. Матери пришлось бежать из Нижнего поречья. И только благодаря верховному магу Долины, обе остались живы. Я знаю эту историю, Ферал. Зачем рассказываешь?

Огнекрылый запрокинул голову и раскрыл рот. Из него вырвалась огненная струя и долетела до потолка, оставив черное пятно. Потом снова посмотрел на меня и произнес:

– Я хочу, чтобы ты помнила, ради чего становишься моей.

– Как тут забыть…

– Не перебивай меня, – резко сказал Ферал и я вжала голову в плечи.

Видя мой страх, огнекрылый чуть смягчился и проговорил глубоким, жутковатым голосом:

– Не бойся. Я так не хочу. Когда слухи о тебе разнеслись, я готов был уничтожить огненную ведьму, которая согласно пророчеству, найдет способ победить меня. Я отправился сюда…

Я произнесла тихо:

– Мне исполнилось девятнадцать, а ты заявился прямо в дом с горящими, как угли глазами, вышиб крыльями двери, хотел превратить в пепел меня и всю семью.

– А вот это лучше забыть, – с нажимом сказал огнекрылый.

– Из огненной пасти валил дым, – продолжала я, чувствуя, как в груди начинает зарождаться огненная волна, – антрацитовая кожа блестела от внутреннего пламени потому, что вместо сердца у тебя кусок угля.

Огнекрылый зарычал и выпустил изо рта струю огня мне в лицо. Я отшатнулась, теплые языки скользнули по коже, а когда на секунду представила, как часто будут меня касаться, всю передернуло. По иронии судьбы огонь для меня безвреден, и именно поэтому верховный маг заложил меня огнекрылым, лишив права распоряжаться судьбой.

Ферал сверлил взглядом, а я смотрела на воротник сорочки, который опалило и теперь напоминает сморщенную шкурку змеи в период линьки.

Выждав еще немного огнекрылый проговорил глубоким гипнотическим голосом:

– Но теперь ты моя. И скоро станешь полноценной женой. Ты пошла на сделку, чтобы спасти Долину, и проживешь остаток дней в моем раскаленном мире. И никакого пророчества.

Я вздохнула.

Медленно подойдя к камину, стянула с себя обожженную сорочку. Глаза демона полыхнули таким огнем, что засомневалась, смогу ли вообще выдержать близость с Фералом. Потом достала из коробки другую, из более плотной ткани, но длинной чуть выше колен.

Когда всунула руки в рукава и натянула сорочку, огнекрылый выдул из ноздрей клубок дыма и проговорил завораживающе:

– Ты, как всегда, восхитительна, огненная ведьма.

Я проговорила печально:

– Откуда тебе знать…

Он гортанно засмеялся, из камина повыпрыгивали угольки и покатились к краю железной плиты. Я подвинула босой стопой раскаленные комочки обратно к очагу.

– Я мечтал, – сказал Ферал.

По спине пробежала горячая струйка, но тут же испарилась на разгоряченной коже. Я старалась прогнать мысли о том, как над головой сомкнется расплавленная твердь, а я больше никогда не увижу голубого неба и теплого солнца. Но получалось плохо.

Ферал взмахнул крыльями и плавно оказался на ногах.

– Идем, – сказал он, протягивая ладонь.

Я чуть не разрыдалась, понимая, это последние минуты привычной жизни, безопасной и уютной, и что сын пастуха для меня безвозвратно потерян. Его теплые руки, веселый шепот и запах свежего хлеба в волосах останутся лишь воспоминанием. Но в ушах еще звенят слова о том, что Ферал сожжет всех, если я откажусь идти с ним.

Сцепив зубы, я протянула руку.

В этот момент с потолка посыпалась труха, раздался треск старого дерева, я испугано глянула вверх.

В крыше зияет дыра, размером с корову, будто кто-то провалился, но моментально куда-то испарился.

Ферал с яростным рычанием выпустил клуб черного дыма и бросился ко мне.

В ту же секунду в дыру шмыгнула быстрая фигура, передо мной мелькнуло расплывчатое лицо, потом ощутила резкий толчок, и ноги оторвались от пола.

– Ты моя! – заорал огнедемон страшно. – Ты мной отмечена!

Мимо пронеслись стены, потолочные балки, через несколько мгновений дом стал стремительно уменьшаться, Звенящая долина быстро превратилась в маленькое зеленое пятно на бесконечной глади земли, а я, перекинутая через плечо, несусь в небо.

Осознание происходящего накатило горячей волной и привело в еще больший ужас, чем перспектива стать женой огнекрылого.

Я вывернула шею и задрыгала ногами.

– Кто ты, пламя тебя подери? – закричала я. – У меня сделка сорвалась! Ферал снова начнет налёты! Он сожжет Долину! Сожжет!

Сквозь свист ветра донеслось неразборчивое:

– Лежи спокойно. Думаешь легко протащить сквозь барьер раскаленное бревно?

У меня даже горло перехватило, я выкрикнула:

– Сам ты бревно! Какой еще барьер!?

Тут же попыталась выскользнуть между плечом и локтем зная, что ревнивый Ферал настигнет, подхватит, испепелить обидчика. Но незнакомец только сильнее прижал к прохладному боку и бросил весело:

– Даже не пытайся, леди-пламя. Мы уже далеко за пределами Звенящей долины.

– Он нас догонит! – выпалила я.

Незнакомец сообщил невозмутимо:

– Быстрей меня он точно не полетит.

– Ты не понимаешь, что наделал, – произнесла я, глядя на застилающие землю облака.

– Это ты не понимаешь ничего, леди-пламя, – бросил он.

От переживаний в голове все спуталось, сердце тарабанит, как у загнанного кролика, а под кожей носятся огненные муравьи. Но когда воспламенилась, огонь моментально потух из-за бешеной скорости похитителя.

Я обессилено повисла за спиной, уронив голову.

– Скажи хоть, куда летим.

Похититель свистнул всем телом и рванулся вверх. Меня окутал прозрачный вихрь с холодными, неприятными струями. Он прогудел, словно ветер в трубе:

– Фарбус все объяснит.

После этого голова закружилась, по телу пронеслись колючие молнии, во рту пересохло, точно хлебнула земляного настоя. Сквозь пелену донеслись громовые раскаты, треск, будто разрывают листы бумаги, и невыносимый рев ветра. Затем мир потух, и я отключилась.

Очнулась от того, что кто-то настойчиво трясет за плечи и дует в лицо. Я лежу на холодном, а над ухом кто-то шепчет:

– Честное слово, старался. Даже спиной вперед летел, когда барьер проходили. Откуда мне было знать, что она такая слабенькая.

– Предупреждал же, используй защиту, – сказал второй голос, определенно принадлежащий кому-то постарше. – Но нет, сами все знаем, сами все умеем. Мы первый раз имеем дело с женщиной-огнем, нужно быть максимально осторожным. Сколько уже она в отключке?

Первый снова потряс меня, как тряпичную куклу и ответил:

– Не знаю, часа три, наверное.

Послышался шелест одежд и раздраженный топот.

– Как же с тобой трудно, – ворчал голос постарше. – Неуправляемый, своевольный и бесконтрольный.

– Я же ветер, – произнес первый голос так, будто это все объясняет.

В голове забегали перепуганные муравьи. Пару секунд мысленно проверяла, не ранена ли, а когда подумала, что сейчас делает Ферал, обманутый и взбешенный, внутри все упало.

Простонав, медленно открыла глаза.

Прямо передо мной гладкое мужское лицо с высокими скулами, острым подбородком и огромными голубыми глазами. Черные волосы свесились до локтей – слишком длинные для мужчины. Он щурится и кривит губы, пальцы все еще сжаты у меня на плечах.

Выждав пару секунд, черноволосый разжал их, сказал выпрямляясь:

– Вот видишь, Фарбус, я говорил, все будет нормально, а то сразу – неуправляемый, своевольный. Может, я инициативу проявляю.

Я повертела головой и села. Страх за себя и Звенящую долину смешался с восторгом от увиденного. Всю жизнь прожила в простом деревянном доме, а башню верховного мага видела только издалека, но уверенна – даже там такого убранства нет.

Огромный зал мягко переливается сиреневым светом, фиолетовые кристаллы торчат прямо из стен, сквозь прозрачный пол смотрит черная бездна. В животе защекотало, как бывает, когда прыгаешь с высоты. Я подтянула колени и обхватила руками.

– Где я? Что произошло?

Голос прозвучал жалко и слабо, словно тлеющая лучина в сиротском доме. Ощутила себя безвольней, чем при сделке с Фералом.

От стены отделилась высокая лысая фигура в фиолетовом одеянии и проследовала на середину зала, стуча набойками по полу. Мерцающая подстежка выглядывает из-под рукавов, мантия перетянута поясом из серебристых щитков. На суровом лице печать времени, а во лбу сверкает пятно.

Присмотрелась, разглядела какой-то знак, похожий на витиеватую руну или загогулину.

Лысый остановился, развернулся ко мне и стал разглядывать. По коже пробежали мурашки, хотя вообще-то привыкла к зевакам, приходящих посмотреть на огненную девушку, которая ходит в одной сорочке. Но сейчас ощущение, что заглядывает в самую душу.

Я замерла.

Незнакомец, наконец, наглазелся и проговорил:

– Как ты себя чувствуешь, дитя?

Хотела сказать, что они совершили большую ошибку, которая грозит трагедией, но страх сковал. Получилось лишь раскрыть и зарыть рот.

Похитивший меня черноволосый, отошел в сторону и с интересом наблюдает. Только теперь поняла – он тоже одет весьма скромно. Лишь обтрепанные портки на веревке, ноги босые, а обнаженный торс кажется поддернутым то ли маревом, то ли голубым свечением.

Лысый сцепил пальцы, покашлял. Я нахмурилась. Выждав еще не много, уперлась ладонями в пол и медленно поднялась. Голова закружилась, как после матушкиной браги. Колени подкосились. Так бы и свалилась, но черноволосый подскочил и поймал за плечи. Я подняла на него испуганный и смущенный взгляд.

– Голова кружится, леди-пламя? – спросил он участливо.

Я кивнула, но сказала:

– Не буду отвечать на вопросы, пока не ответят на мои.

Лысый закатил глаза и проговорил резко:

– Нет, как так можно работать? Что за искажение сил привело к конфузу? Женщина-огонь, где это видано?

В голове каша. Я сделала несколько нерешительных шагов. Под ногами бескрайняя чернота, холодно мерцают звезды, настолько далекие, что кажутся нарисованными, и внутри

зашевелился животный ужас, какой бывает лишь при встрече с чем-то древним и первородным.

Когда мир, наконец, перестал кружиться, равновесии пришло в норму, я глубоко вдохнула и начала осторожно:

– Уважаемые незнакомцы, объясните, что происходит и почему я здесь? Вы, наверное, не в курсе, меня называют огненной ведьмой Звенящей долины, и если сию минуту все не расскажете, все здесь превращу в пепел.

Раздался сдавленный смешок, черноволосый спрятал губы в кулак и пытается не смотреть на меня.

– Что смешного я сказала? – поинтересовалась я, чувствуя, как на смену страху приходит негодование. – Предупреждаю, я плохо контролирую мощность, могу ударить, мало не покажется.

Черноволосый уже не сдерживается, ржет в голос, как ретивый конь и хватается за бока. Лысый приподнял бровь и с интересом смотрит на меня.

– Ну что ж, сами напросились, – произнесла я.– Берегитесь!

Пламя полыхнуло в груди и вспышкой разлетелось по телу, ладони погорячели, а я выбросила вперед обе руки, выпустив из пальцев огненные потоки. Они метнулись прямо в сторону лысого, но ударившись в грудь, огонь с громким хлопком потух, а я оторопело замерла с вытянутыми руками.

– Что, что случилось? – выдохнула я и даже головой тряхнула, чтоб проверить, не сплю ли.

На пол вокруг незнакомца опустилось прозрачное черное облачко, он негромко покашлял, вытирая нос от сажи.

– Теперь, когда гнев выпущен, – сказал незнакомец спокойно, – мы можем поговорить?

Не верящими глазами я таращилась на лысого старикашку, который потушил огонь, даже не шевельнув пальцем. Еще пару секунд стояла неподвижно, затем опустив руки, нервно сглотнула.

Лысый чуть улыбнулся и проговорил:

– Добро пожаловать в хранилище, дитя. И пожалуйста, не играй здесь с огнем. Вреда, конечно, никакого, но очищать кристаллы от сажи очень нудное занятие.

Пока хлопала ресницами, черноволосый перестал смеяться и вытер пальцами прослезившиеся глаза.

– Это Фарбус, леди-пламя. Смотритель Вормхола, – сказал он.

– Чего? И перестань меня так называть.

Черноволосый открыл рот для объяснения, но лысый перебил.

– Вормхол, – сказал он, – это дверь в другие миры.

Я ждала, что добавят что-то еще, но оба смотрят так, будто при слове «Вормхол» должна пасть ниц и трепетать в священном благоговении.

– Про Верхний и Нижний мир мне известно, – проговорила я хмуро. – К нам из них регулярно наведываются, и без всяких Вормхолов. Как раз, когда пыталась разрешить давний конфликт с огнекрылими, меня похитили. И теперь моему дому грозит беда. Немедленно верните меня обратно и дайте закончить, что начато.

Черноволосый хмыкнул.

– Не похоже, чтобы тебе нравилось начатое.

– Тебя это не касается, – отрезала я, чувствуя, как зудит на шее поцелуй Ферала.

Фарбус прошелся по залу, шелестя сияющими одеждами. Затем остановился у дальней стены и взмахнул рукой. Сверкнув, стена стала прозрачной, за ней открылась бескрайняя темнота, усыпанная звездами. В середине скопления звезд черное пятно, такое большое, что все три мира могут уместиться на одной четвертой части.

Несмотря на негодование и страх за долину, я охнула, раскрыв рот. От окна тянутся длинные щупальца, шевелятся, словно стремятся захватить кого-то, звезды вдали загадочно поблескивают, образуя плотное кольцо вокруг черноты.

Лысый выдержал паузу, наслаждаясь моментом, затем повторил:

– Это Вормхол. В врата в миры. И я говорю не о Трехмирье, дитя. Оно всего лишь одно из миллионов кусочков мозаики на плотнее жизни.

– Что это значит? – не поняла я.

Черноволосый усмехнулся и бросил, выпустив изо рта маленький прозрачный смерч:

– Это значит, что твоя Звенящая Долина не центр Вселенной.

Дар речи пропал, и я круглыми глазами вытаращилась на врата. Фарбус суровый, будто не доволен, что такая несведущая, горестно выдохнул и взмахнул руками.

– Придется объяснять все с начала, – проговорил он.

Черноволосый крутанулся на месте, воздух под ним завертелся. Он плавно приподнялся над полом и улегся на вихревую подушку. Я покосилась и отшагнула, решив, что он могучий маг, если смог выкрасть меня из-под носа огнекрылого.

Он заметил, что разглядываю его и подмигнул левым глазом. К щекам прилил огонь, пришлось перевести взгляд обратно к Вормхолу и делать вид, что очень сердита.

Смотритель, тем временем, наблюдал за нами, как алхимик, который посадил жуков в банку и ждет, что будет дальше. Ладони сложились домиком, взгляд устремился в потолок.

Наконец, он заговорил.

– Представь себе миллионы звезд, вокруг которых существуют миры, очень похожие на наш. Там тоже живут люди, а может и не люди. Признаться, никогда не ступал в черноту Вормхола и не знаю, что за твари могут обитать по ту сторону. Ты привыкла к Трехмирью, где в середине живет люди, внизу демоны, а сверху боги. Но это лишь песчинка в круговороте разнообразия.

Фарбус строго глянул из-под редких бровей, я даже спину выпрямила. В голове в очередной раз всплыли слова пастушьего сына о Звенящей Долине. В груди засаднило, хотя часть меня обрадовалась, отсрочке женитьбы с огнекрылым.

Черноволосый покосился на меня небесно-голубыми глазам, и впервые захотелось, чтобы из одежды на мне была не только короткая сорочка.

Чтобы отвлечься от мыслей о черноволосом, о Ферале, который, наверное, в припадке ярости крушит все, что попадется под руку, я поинтересовалась:

– Ты хочешь сказать, э… Фарбус? Вы украли меня для того, чтобы читать проповеди об устройстве мира? Я даже в деревне никогда не посещала воскресных служб. Да и не к лицу мне. Жители назвали меня огненной ведьмой.

Черноволосый хмыкнул и подпер кулаком щеку, послав мне очередной хитрый взгляд, а Фарбус покачал головой.

– О нет, дитя, – сказал он спокойно. – Ты не ведьма.

Глава 2

Внутри меня полыхнуло, изо рта вырвался столб пламени.

– Что значит, не ведьма?! – выдохнула я, вытаращившись на лысого. – А кто же тогда? Дочь кузнеца? Посмотри на меня! По-твоему, любой умеет вспыхивать факелом и бросать огненные шары?

Со стороны Черноволосого налетел ветерок, внутри все загудело, как если бы кто-то пытался раздуть костер. Я гневно покосилась на него и подняла ладонь с горящим шаром.

– Не дыми, – устало проговорил Фарбус. – Тут тебе не деревня, гореть не чему. А мне безвреден огонь, как и вода, и все остальное. Ты не ведьма. Но об этом чуть позже.

Хотела запустить шар, но передумала потому, что первый растворился в нем, как сахар в кипятке. Гнев постепенно прошел, я сжала пальцы, пламя уменьшилось, впитываясь в кожу. По венам пробежали приятные мурашки и ушли к самому сердцу, наполнив приятным теплом.

Я ждала, пока кто-нибудь начнет объяснять, но черноволосый и лысый будто забыли обо мне. Один завис в воздухе и беззастенчиво разглядывает меня, а другой взирает на звезды.

Тогда я спросила:

– Объясните, что это все значит? Что дальше?

Лысый смотритель будто очнулся ото сна и поднял на меня озадаченный взгляд.

– Ты о чем? – не понял он.

– Про круговорот, – пояснила я. – Вы украли меня из-под носа Ферала, начали рассказывать про Вормхолы, миры. И теперь очень хочется понять, зачем?

Черноволосый ехидно прищурился. А я ощутила, как по шее побежали огненные мурашки, волосы превратились в пламя. Пришлось оттопырить назад, чтобы не прожгли сорочку.

Наградив черноволосого презрительным взглядом, я потушила локоны, вернув им привычный рыжий вид, и отвернулась к лысому.

– Итак, – произнесла я. – Жду подробного объяснения, почему я рискую Звенящей Долиной.

– Наконец-то, – сказал Фарбус с выдохом. – Она изволила общаться. Желаешь дослушать?

– Желаю, – согласилась я.

– Ну так вот.

Он щелкнул пальцами, кристаллы в стенах засияли ярче, на потолке и полу появились световые зайчики и медленно поплыли, словно кристаллы перемещаются по кругу. Но когда подняла к ним взгляд, слитки оказались неподвижны.

Лысый произнес важно:

– Место, где мы сейчас находимся, образно выражаясь, висит над вашими тремя мирами. Потому и называется хранилище.

– И что в нем такого особенного? – не удержалась я.

– Может, прекратишь перебивать? – поинтересовался лысый.

Уязвленно притихнув, покосилась на черноволосого, который расплылся в улыбке, как у довольный кот.

Я послала ему недовольный взгляд, а Фарбус продолжил:

– Хранилище наблюдает за жизненными процессами внизу. Но никогда не вмешивается, кроме тех случаев, когда нужно забрать стихию.

– Чего-чего?

– Да-да, – подтвердил Фарбус, – все верно. Стихию. Я не шутил, когда сказал, что ты не ведьма. Все гораздо сложнее. Я охраняю Вормхол уже многие эоны. Слежу, за балансом. Чтобы, если где-то прибавилось, в другом месте убавилось. Но есть особые места, особые миры. Например, Подмир.

Я потерла лоб, чтобы разогнать кровь, заставить ум работать быстрее. Когда попыталась осмыслить услышанное, волосы снова вспыхнули, и скопления кристаллов заиграли радужными красками.

Незнакомцы почему-то довольно закивали, а я спросила, стараясь выглядеть не совсем дремучей:

– Подмир? Ты имеешь ввиду Нижний мир огнекрылых? Этого ужасного Ферала, женой которого мне предстоит стать?

Фарбус многозначительно хмыкнул. Потом снова щелкнул пальцами, пол под ним пошел волнами, из прозрачной пленки выступил холмик и потянулся вверх. Через несколько секунд превратился в стеклянный стул с высокой спинкой и застыл.

Я даже рот раскрыла, а Фарбус церемонно опустился на сидение и закинул ногу на ногу.

– Нет, дитя, – проговорил он терпеливо, – Подмир находится как бы… вообще в другом месте.

– Как хранилище? – предположила я.

Лысый улыбнулся.

– Не совсем, – сказал он. – Точнее совсем не так. Технически, он прямо тут, но… вроде и совсем не тут. Я все равно не смогу объяснить. Раз в эон на Древе мироздания расцветает цветок. В его власти переносить существ из мира в мир, минуя Вормхол. А это чревато нарушением баланса. В этот раз случилось неприятное, и цветок явился в Подмире.

Я с сомнением смотрела на Фарбуса, который выглядит, будто вещает о великом перед многотысячной толпой. Взгляд устремлен в даль, подбородок приподнят. Точно так же мог бы выглядеть и верховный маг на площади правосудия, и полоумный посреди деревни.

Притихшее ощущение тревоги стало возвращаться, пульсируя в груди, как кувалда кузнеца, а клеймо огнекрылого засаднило сильнее.

– Послушай, Фарбус, – произнесла я терпеливо, – твоя история очень интересна. Но моя цель спасти Звенящую Долину. На нее несколько веков нападают огнекрылые. Даже пророчество есть, в котором огненная ведьма спасет всех. Я под описание подхожу, хотя не то, чтобы рада. Но какое отношение ко мне имеет твоя история?

Черноволосый снова послал в меня порцию ветра. Волосы всколыхнулись и приятно защекотали спину, по коже пробежали мурашки. Я сделала вид, что не заметила, но в груди закипела лава, а пальцы стало покалывать, предвещая появление огненного шара.

Черноволосый перестал дуть, но смотрит все так же хитро. Я сердито покосилась и взглядом указала на ладонь, где рождается горящий мяч.

Лысый заметил наши переглядывания, вздохнул, ладонь легла на прозрачный подлокотник.

– Самое прямое, дитя, – проговорил он мягко. – Самое прямое. Как я говорил ранее, ты не ведьма. Ты стихия. А точнее – Огонь.

Я вытаращилась на него и захлопала ресницами.

– Чего?!

– Что слышала, дитя, – сообщил смотритель.

Я проговорила недовольно:

– Почему вечно решают за меня, как жить, кем быть и что делать? С начала мать, потом верховный маг, Ферал. Теперь вы. Только сын пастуха сделал вид, что дал выбор, но на самом деле знал, что не смогу сбежать и оставить Долину на сожжение огнекрылым.

Фарбус провел ладонью по блестящей лысине и проговорил спокойно:

– Твоя роль значительней, роли простой деревенской ведьмы.

Потом тяжело вздохнул. Взгляд затуманился и устремился в черноту врат. Пока он предавался думам, черноволосый снова принялся донимать.

Не в меру холодный поток налетел со спины. От неожиданности я прыгнула вперед и замерла в нелепой позе, растопырив руки.

Когда бросила гневный взгляд на черноволосого, тот улыбнулся во все зубы и сощурился, как довольный кот. Вихрь под ним стал шире, теперь даже не на кресле лежит, а на целой кровати.

Я крикнула:

– Как же ты надоел мне!

В ладони вырос огненный шар, через секунду понесся в черноволосого.

Тот весело ухнул и подпрыгнул над вихрем. Его тело стало прозрачным и рыхлым, как если бы уже распылилось на сотни искр. Шар пролетел сквозь воздух, который только что был черноволосым и с хлопком ударился в кристалл. Со стены посыпались крошечные сиреневые камешки, а в месте столкновения образовалось круглое пятно копоти. Ловкач моментально принял человеческую форму и мягко опустился на вихрь.

– Значит, ты маг? – проговорила я, прищурившись. – Ничего. Посмотрим, кто кого.

– Посмотрим-посмотрим, – передразнил он.

В ладони снова полыхнул шар, я приготовилась метнуть в наглеца. Улыбка у того стала шире, по залу разлетелся задорный смех, настолько заразительный, что с удивлением обнаружила, как сама нервно похихикиваю.

Гнев чуть утих. Я убрала пламя и отвернулась от незнакомца, которому только шутовского колпака не хватает до полного образа.

– Отвяжись, – бросила я на всякий случай и спросила Фарбуса: – Долго еще терпеть выходки этого шута?

Лицу смотрителя, наконец, вернулась мимика. Уголки губ чуть дрогнули и поползли вверх, морщинки у глаз расползлись веером.

Фарбус проговорил:

– Что-то от шута в нем действительно есть. В конце концов, ветру таким и положено быть.

– Ветру? – не поняла я.

– Именно, – подтвердил смотритель, – Он не маг, как ты подумала. Он твой брат по стихиям. Кстати, Ветер, у тебя имя есть? Человеческое, имею ввиду.

Черноволосый кувыркнулся в воздухе и спрыгнул с вихря на пол. Босые стопы с тихим шлепком стукнулись о стекло, разослав глухое эхо в стороны, которое тут же потухло в скоплениях кристаллов.

Он заложил левую руку за спину на придворный манер, правую приложил к груди и демонстративно поклонился.

– Лодин, к вашим услугам, – сказал он церемонно и лукаво подмигнул мне левым глазом.

– Чудесно, – проговорил смотритель и обратил ко мне вопрошающий взгляд. – А тебя, дитя, как величать? Мне, в общем-то, без разницы. Это для вашего удобства.

Я насупилась и несколько мгновений размышляла на тему похищений, магических превращений и огнекрылых, которые, наверное, уже камня на камне не оставили в Звенящей Долине.

Но лысый и черноволосый так пристально сверлят взглядами, что буркнула:

– Агата.

Черноволосый взлетел в воздух, как на веревочках, и крикнул из-под потолка:

– Приятно познакомиться, Агата! Леди-пламя.

Я покосилась на него хмуро.

– Как мило. Наградили боги братцем.

Фарбус устало выдохнул и провел ладонью по лицу. На секунду показалось, оно испещрено морщинами, а глаза по-стариковски тусклые, но видение тут же исчезло. Лысый снова предстал как Смотритель вне времени, гладкий и безукоризненный.

– Как это выматывает… – произнес он.

– Послушай, Фарбус, – сказала я, чувствуя, что сейчас самое время. – Совсем не хочется тебя расстраивать, но вряд ли могу чем-то помочь. Судьбы миров и Вормхол это серьезно, но в Среднем мире и так достаточно проблем. А моя судьба – спасти Звенящую Долину. Хотя теперь от нее, наверное, остался один пепел…

– Об этом не переживай, – проговорил Фарбус отстраненно. – Если вы вернете цветок в хранилище, тебя можно будет вернуть обратно в тот же момент времени, когда и забрали.

Я попыталась осмыслить сказанное, но только волосы стали сильней гореть.

– Не понимаю, – произнесла я.

– Не страшно, – отозвался Смотритель. – Главное, что когда вернешься, никто не заметит твоего отсутствия.

Лодин хохотнул и метнул в меня воздушный поток, едва успела увернуться. Но строгий взгляд Фарбуса немного успокоил шута. Тот недовольно закатил глаза и уселся прямо на пол, скрестив ноги. Края портков грустно повисли над блестящей поверхностью, а из левой штанины выбилась нитка.

Я послала черноволосому победный взгляд, а Фарбусу сказала:

– Ну хорошо. Значит, если Звенящую долину сожгут, я смогу вернуться и молить Ферала о пощаде. Это прекрасно. Прямо камень с души. Серьезно. Но это не объясняет, зачем я здесь.

– Милая Агата, – проговорил лысый озабоченно. – Все дело в том, что.... Две другие стихии не найдены. И вовсе не потому, что плохо искал. Наоборот – перерыл весь Средний мир вдоль и поперек, даже в Верхний и Нижний заглянул на всякий случай. Мало ли куда может вашего брата занести. Но даже там не нашел. Видимо, они в этот раз просто не родились.

Я уточнила на всякий случай:

– «Наш брат» – это стихии?

Лысый кивнул.

– Совершенно верно, – согласился он. – Стихии. Раз в эон вы собираетесь и с помощью силы природы переносите цветок прямо сюда. Но, как уже говорил, сейчас что-то изменилось, и Земля с Водой не явились. А Огонь вообще женщина. Но цветок не должен попасть в руки жителей Подмира, иначе нарушится баланс.

– И почему именно стихии должны это делать?

Смотритель посмотрел на меня, как на бестолковую доярку.

– Потому, – проговорил он, – что только стихии существуют во всех мирах. В любом мире есть огонь, частицы воздуха, воды и земли. Понятно?

Я спросила мрачно:

– К чему ты клонишь?

– К тому, – произнес Фарбус значительно, – что кому-то придется спуститься за цветком, найти и доставить собственноручно.

Я сложила руки на груди, по позвоночнику прокатилась струйка жидкого огня.

– У меня дурное предчувствие, – глухо проговорила я.

Уголки губ Фарбуса дрогнули и поползли в стороны. Он сцепил пальцы замком и положил на колени, став похожим на короля, друида и строгую няньку одновременно.

– Почти угадала, – сказал смотритель. – Тебе предстоит опасная дорога в Подмир вместе с Лодином.

– Ни за что! – отрезала я, переполненная чувством справедливости, и сложила руки на груди.

Лысый слегка подался вперед.

– Позволь узнать причину такого ответа, – мягко поинтересовался он.

Я ощутила на себе пристальное внимание. Показалось, даже Вормхол выжидательно смотрит единственной частью, которая напоминает око.

Стараясь, чтобы голос звучал твердо, проговорила:

– Для начала объясните, зачем мне это надо? И так пришлось пожертвовать свободой, оставить любимого, родной дом и стать нареченной Ферала. Здесь я знаю, что пытаюсь спасти Долину и ее жителей. Но цветки, Подмир? Разве я что-то должна этому Вормхолу?

Оба посмотрели на меня, словно только что подожгла деревню и радостно хлопаю в ладоши, Лодин спросил:

– А спасение мира недостаточно веская причина?

Я устало выдохнула и проговорила, поправляя огненный локон, который сияет, как сухая солома:

– С самого детства моя жизнь мне не принадлежит. Все постоянно указывают что делать, как одеваться. А теперь требуете, чтобы спасала мир. Учитывая, что вы рассказали, я должна спасать какой-то конкретный? Или все целиком? Или может только часть какого-нибудь мира улиток? Я когда-нибудь смогу сама принимать решения?

Лицо Фарбуса исказилось, брови сошлись на переносице, он вскочил, громко цокая копытами, приблизился. Вблизи лысый оказался большим и устрашающим, а может, увеличился, пока шел. Сиреневые полы мантии разлетелись в стороны, делая его похожим на огромную рассерженную птицу.

Смотритель резко наклонился так близко, что ощутила запах мяты, и вжала голову. Взгляд грозный, глаза светятся сиреневым, знак на лбу переливается радужными волнами.

Голос прогремел раскатисто, кристаллы зазвенели.

– Глупый, вспыльчивый огонь! Неуемный! Я покажу тебе!

С этими словами он вцепился крючковатыми пальцами в плечо, не обращая внимания, что локти и волосы полыхают, как факелы.

Я вскрикнула, пытаясь освободиться, но смотритель только сильнее сжал. Плечо закололо, словно тысячи крошечных иголок вырвались из ладони смотрителя и впились в кожу.

– Да больно же! – прокричала я, стараясь оторвать от плеча руку Фарбуса.

– Больно? – проревел Фарбус. – Смотри!

В эту секунду мир вспыхнул. Перед глазами пронеслись багровые вихри, какие-то тоннели, по которым несутся то ли люди, то ли звери. Висячие прямо в воздухе дома, напоминающие красные леденцы. Потом меня швырнуло верх и увидела каменные горы правильной формы с сотнями дырочек – почти как термитники. И внизу дорожки муравьев.

А потом все исказилось, поплыли черные тени, огромные силуэты. Послышался смех, от которого даже огненная кровь застыла в жилах. Меня дергало и носило, как песчинку, пока тени превращались в копошащиеся клубки.

– Пусти! – крикнула я, но голос утонул в невидимом киселе.

Потом мир загудел, словно миллионы жуков. Все задрожало. Через секунду картинка треснула, в стороны поползли глубокие расселины. Послышались женские крики, какой-

то писк, грохот, взрывы. Я видела ослепляющие вспышки, на их месте оставались черные дыры. Крики нарастали. Хотела зажать уши, но руки отказались подниматься.

А потом все затихло. Остался лишь тонкий звон в ушах, какой бывает после бессонной ночи и переутомления. Мысли ползают болезненно и тяжело.

Кто-то дернул за плечо, я вздрогнула.

Перед глазами проступило суровое лицо Фарбуса. Взгляд серьезный, ноздри раздуты, как у боевого быка.

По залу разносится ритмичный звук, только через секунду поняла – это мое шумное дыхание. Грудь ходит ходуном, руки трясутся, на щеках холодок.

Меня качнуло. Я медленно села на пол, даже не пытаясь удержаться на ногах. Внутри все клокочет, будто сутки рыдала и выплакала всю воду.

Скользнув ладонью по лицу, глянула на пальцы, где остались следы лавы.

– Что… что это было?.. – задыхаясь, спросила я.

Смотритель, наконец, отпустил плечо и отошел на пару шагов. Лицо все такое же грозное, но взгляд смягчился.

Он поинтересовался участливо:

– Пробрало?

– Они все погибли, – выдавила я, с трудом приводя дыхание в норму. – Почему? Кто они? Что это за место?

Лодин, все это время наблюдавший молча, поднялся и приблизился, почти не касаясь пола. Потом медленно опустился и аккуратно приподнял пальцами подбородок, не обращая внимания на мой огонь.

– Это случится, если не достать цветок, – проговорил Лодин печально. – Ты видела миры. Не все, но достаточно, чтобы понять, как важно сохранить баланс.

Громко всхлипнув, я вытерла лицо. Впервые с момента встречи к черноволосому появилось чувство благодарности и чего-то еще, будто он может защитить от страшного и злого смотрителя.

Когда Лодин отстранился, продолжая тревожно вглядываться в меня,

Фарбус спросил:

– Отошла?

Голос прозвучал ровно, жуткое громыхание исчезло, он вновь приобрел человеческие ноты.

Я неуверенно кивнула и проговорила:

– Жить буду. Мне жаль этих людей, но…

Знак на лбу Фарбуса сверкнул лиловым и засиял, как утренняя звезда. Он прошелся по залу и остановился у стены, где зияет Вормхол.

– Что еще? – строго спросил он.

Нервно сглотнув, я произнесла, стараясь подбирать слова, чтобы снова не вывести смотрителя из себя:

– Когда я пошла на сделку с Фералом, я знала, ради чего… Ради кого. Звенящая Долина мой дом, там моя мать, верховный маг, в конце концов, который спас нас обеих от расправы в Нижнем поречье. И я не хочу, чтобы огнекрылый со своим полчищем уничтожили все, что мне дорого. Мне жаль людей из тех миров, но… Я должна позаботиться о своих.

Фарбус хмыкнул, лицо потемнело. Он некоторое время испытующе смотрел на меня, пока меня потряхивала нервная дрожь. Потом сказал:

– Не хотел говорить. Думал, в тебе достаточно самоотверженности и сознательности…

– У меня достаточно и того и другого, – мрачно заметила я. – Посмотрите сюда, у меня метка Ферала на шее.

Фарбус сдвинул плечами.

– Метка, это не приятно, – произнес он ровно. – Но тогда что ты решишь, если скажу, что с помощью цветка можно запереть огнекрылых в нижнем мире? Всех. Навсегда.

Я охнула.

– Навсегда?

– В мгновение ока, – подтвердил смотритель.

– Это в корне меняет дело.

Стараясь скрыть радость от осознания, что не придется становиться женой Ферала с его неуемной страстью, я пошатываясь, поднялась и замерла на несколько секунд. Волосы больше не пылают, рыжие пряди спокойно лежат на груди и плечах и даже прикрывают до самого живота. Ноги ватные, но я все же сделала шаг, затем еще один, и еще. Наконец мышцам вернулась сила, остатки тремора затихли, разум прояснился.

Остановившись рядом с Лодином, посмотрела в черноту Вормхола.

– Сколько человек заходили в эту дыру? – спросила я Фарбуса.

Он покачал головой, сверкая налобным знаком.

– Если честно, ни одного, – ответил Смотритель. – Я строго следил, чтобы никто и никогда не нарушал границ миров.

Брови Лодина сдвинулись, лицо потемнело. Я с удивлением обнаружила, как быстро изменилось его настроение, а с ним и облик. Теперь вместо веселого, как летний бриз, паренька, передо мной серьезный, мрачный мужчина с черными глазами.

– Значит, не известно, чем это может обернуться, – произнес он задумчиво. – Ты говоришь, баланс очень важен. Но разве он не нарушится, если мы пройдем сквозь врата?

Смотритель ответил значительно:

– Вернувшись с помощью цветка вы создадите петлю и восстановите гармонию. К тому же, врата для того и нужны, чтобы через них ходить. А вот цветок… Из-за него я и слежу, чтобы где-то убавилось, но в другом месте прибавилось.

Я ощутила легкое прикосновение к тыльной стороне ладони и быстро опустила взгляд. Пальцы Лодина сильно сжали кисть, я резко выдернула и отошла.

– Фарбус? – обратилась я к лысому, потирая метку на шее.

– Слушаю тебя, Агата.

– Если гармония или что ты там говорил, нарушится, Звенящей Долины тоже не будет, я правильно поняла?

– Да.

– И ты обещаешь запереть огнекрылых в нижнем мире, если мы достанем цветок?

Фарбус кивнул.

– Если цветок окажется в хранилище, – произнес он, – это займет не больше пяти минут.

– Тогда я готова спуститься в Подмир вместе с Лодином. Ради спасения моей Долины и баланса. Но ради Долины в первую очередь. Я слишком ненавижу огнекрылых, чтобы отказываться от такого шанса.

Послышался облегченный вздох смотрителя. Шелестя мантией, он сделал несколько шагов в сторону и вскинул руки. Потом стал выкладывать на полу какие-то лишь ему понятные камни, а я с тревогой понимала, что решилась на нечто безумное, что навсегда изменить жизнь.

Смотритель проговорил, подвигая зеленый камень поближе к краю:

– Вы должны знать, Подмир очень плотный.

Мы с Лодином переглянулись, я спросила:

– Это как?

– Так, – ответил Фарбус. – За эоны существования Подмир ужимался, становясь плотнее и… Материальнее. Да, это правильное определение. Подмир очень материален.

В груди тревожно ухнуло.

– Что это значит? – спросила я.

Смотритель покривился, как делают люди, когда не уверенны в том, что говорят. Потом произнес:

– Точно не знаю. Но будьте готовы к тому, что привычное мироощущение изменится. И вообще, будьте готовы к перемене. Но главное, отыщите цветок и верните его в хранилище.

Я потерла лоб, пытаясь собраться с мыслями, и спросила:

– А как мы оттуда выберемся?

– Когда найдете цветок, – сказал Фарбус, – он сам вас перенесет. Он источает особый запах, который способны уловить только стихии.

– Замечательно, – пробормотала я.

Фарбус вскинул руки. Знак на лбу засиял, словно новая звезда. Кристаллы в зале тоже засветились, будто помогая смотрителю.

Потом его губы затряслись, он стал что-то быстро-быстро говорить на непонятном языке. Стены загудели, послышался стеклянный звон, а я в страхе схватилась за руку Лодина.

Тот бросил на меня понимающий взгляд и прижал к себе. Мрачный облик чуть смягчился, теперь он выглядит, как равномерный степной ветер. По лицу скользнула мимолетная улыбка, за которую захотелось опалить его парой огненных шаров.

– Я буду тебя защищать, – шепнул он.

Я отозвалась:

– Это и настораживает.

Все задрожало, Вормхол взревел, как стадо гигантских быков, и пыхнул в нас чернотой. Я хотела зажмуриться, но не смогла, потому что Фарбус крикнул гулким голосом:

– Вперед! Пока я снял заграждение! Прыгайте!

Лодин улыбнулся, потом рванул меня к себе и увлек в черноту Вормхола.

Глава 3

Нас завертело и понесло сквозь грохот и гул. Почти ощутимая темнота заливалась в горло, словно намеревается утопить в бесконечности. Когда окончательно потеряла ощущение верха и низа, в плечо вцепились чьи-то пальцы.

Не сразу поняла, кто это и принялась судорожно отбиваться, пыталась кричать. Но получалось лишь безмолвно открывать рот и дергаться, пока меня несло сквозь бездну.

Перебивая рев, в ухо прокричали:

– Это я! Я!

До меня с запозданием дошло, это Лодин пытается удержаться вместе, чтобы нас не раскидало по разным концам миров. Я перестала отбиваться и схватилась за руку. Нас несло и несло, как оторванные ветром листья.

Неожиданно все прекратилось. Меня швырнуло на твердое и холодное, грохот Вормхола исчез, а я застыла в распластанной позе, прислушиваясь к ощущениям. Перед глазами все еще вертится, сердце стучит, словно пытается пробить грудную клетку, а в голове единственная мысль – я делаю это ради Долины.

Лежала не меньше минуты, прокручивая в уме слова Фарбуса о том, как можно заточить огнекрылых с помощью цветка. Это придало сил. Но лишь, когда поняла, что ничего не сломала, решилась повернуть голову и открыть глаза.

Рядом на таком же твердом и сером лежит Лодин с несчастным видом. Глаза распахнуты, он опасливо ворочает ими и что-то шепчет одними губами.

Проследив его взгляд поняла, почему у него такое лицо.

С двух сторон огромные дома из удивительно ровного камня. Чуть позади решетка в два моих роста, ровная и аккуратная, словно ковалась лучшими кузнецами королевства. Рядом с черноволосым что-то вроде бочки, но квадратное и из ржавого металла.

Попыталась привстать на локте, но тело отозвалось болью.

– Где мы? – простонала я.

Лодин что-то пробормотал неразборчиво, потом осторожно, словно боится сломаться, перевернулся на бок. Идеальное лицо скривилось от боли, но заметив, что смотрю, тут же разгладилось.

– Вероятно, в Подмире, – ответил он, косясь на почву под собой.

Та темно-серая и твердая, словно пласт скалы, вырезанный в горах и целиком перенесенный сюда.

Я уперлась ладонями и осторожно села. Волосы спутались, свисая сзади и спереди, как у ночных наяд, которые вместо одежды используют только свои космы. Поцелуй огнекрылого зудит, в голове все еще кружится, но боль постепенно уходит, сменяясь тревожным ощущением.

– Чувствуешь? – спросила я. – Тут странно пахнет.

– Будто кузница сгорела вместе со всем добром, – отозвался Лодин и тоже сел.

Потом поднялся и протянул руку.

– Вставай, леди-пламя, – сказал он, подмигивая. – Надо осмотреться. Я поднимусь в небо и огляжу все сверху. А ты будь здесь и не высовывайся. Мало ли какие твари тут могут обитать.

– Ты действительно станешь меня защищать? – удивилась я.

– Сомневалась?

– Постоянно.

Лодин покачал головой и как-то печально улыбнулся.

– Очень зря. Я ведь обещал.

Откинув за спину рыжий локон, я хмыкнула и произнесла хмуро:

– Сын пастуха тоже обещал любить вечно и никогда не покинуть. А в итоге выдал меня огнекрылым. И не то, что бы его виню его, я бы не вынесла, если бы по моей вине погибла вся Звенящая Долина. Но глубоко внутри хотелось защиты и участия.

Взгляд Лодина остановился на мне, словно пытается залезть в самую душу. Я поежилась, ругая себя за излишнюю откровенность, а он еще пару секунд изучал, затем произнес:

– Могу понять. Сложно, когда ты единственная стихия в долине, а остальные давят на тебя, требуют, ожидают чего-то. Сам таким был. Но теперь я свободен, как ветер, хе-хе. Поэтому, леди-пламя, не переживай. В обиду тебя не дам.

– Спасибо, – пробормотала я. – Хотя это меня настораживает.

Брови Лодина подскочили, он спросил с невинным лицом:

– Почему это?

– У тебя взгляд лукавый, – хмуро заметила я, потирая коленку, которую, видимо ушибла при падении.

Лицо ветра разгладилось, он облегченно выдохнул.

– Ах, это… Ну лукавый. И что? Я всегда такой. Ветреный. Но тебе не о чем беспокоиться. Мы родственники. Хотя жаль.

Он прищурился и подмигнул, явно рассчитывая, что меня это выведет или хотя бы смутит. Но я собрала все внутреннее пламя в кулак и выдавила улыбку. Потом спросила, все еще улыбаясь:

– Значит, с тобой я в безопасности?

– Насколько это от меня зависит, – согласился он. – Долго я еще с протянутой рукой буду стоять? Или сама встанешь?

Я отдула прядь со лба и, наконец, схватилась за его пальцы. Они оказались прохладными и крепкими. Лодин дернул на себя. И я взлетела на ноги. Он тут же отшагнул, лицо стало задумчивым, лоб напрягся, образовав две глубокие морщины, словно на секунду ему стало шестьдесят лет.

– Побудь здесь, – сказал он. – Я пока слетаю, посмотрю.

– Слушаюсь, о мой старший брат.

Черноволосый хмыкнул, с улыбкой качая головой. Колени подсогнулись, потом резко отпружинили, но вместо того, чтобы взмыть вверх, его тело с глухим шлепком рухнуло на землю.

– Что за… – выдохнул Ветер, у которого ветром быть почему-то не получилось. – Я не могу подняться!

– Как так? – не поверила я.

– Если б я знал, – огрызнулся он, а я отшатнулась, еще не привыкнув к быстрой перемене ветряного настроения.

Выждав пару мгновений, пока лицо Лодина вновь станет мирным, сочувствующе покачала головой и проговорила:

– Может, путь сквозь Вормхол исказил твою суть? Давай я попробую.

Он кивнул, хотя во взгляде мелькнула боль. А я напрягшись, послала в тело привычные сигналы. Внутри забегали огненные муравьи, щеки потеплели, но едва горячие мурашки достигли кожи, как все прекратилось, будто облили водой из проруби.

В груди ухнуло, словно ударили кувалдой, я в ужасе посмотрела на Лодина и прошептала:

– У меня тоже… Не могу вспыхнуть.

Он сказал упавшим голосом:

– Фарбус предупреждал. Похоже, это оно и есть. Под мир слишком плотный, и мы потеряли способности.

– Это не возможно! – в отчаянии крикнула я. – Огонь не может потерять способность гореть! Я чувствую, он во мне. Но почему-то не может выйти наружу.

Лодин посмотрел на квадратную бочку из железа, потом перевел в взгляд на решетку и проговорил:

– Да, воздух тоже во мне, но слабый и зажатый. Даже жутко. Словно я заперт сам в себе.

– У меня такое же чувство, – согласилась я, нервно сглатывая. – Что нам делать? Как без сил найти цветок? Лодин, как?

Внутри начала подниматься истерика. Стоило немалых усилий сдержать ее и не опозориться перед ветром, он же очень быстро взял себя в руки и сказал:

– Нам остается одно.

– Продолжать путь без сил? – неуверенно поинтересовалась я.

Он кивнул.

– Именно. Тем более, силы у нас есть. Просто теперь они внутри, а не снаружи. Придется учиться пользоваться тем, что есть, леди-пламя.

– Мне страшно… – прошептала я.

Лодин выпрямился и произнес почему-то весело:

– Не бойся. Я не дам тебя в обиду.

Я тяжело вздохнула, понимая, что предстоит провести неизвестно сколько времени без сил. В груди стало еще тяжелее, а в глазах защипало. Чтобы хоть как-то прийти в себя и отвлечься, я расправила края сорочки. Волосы тоже перекинула вперед, прикрывая все, что положено прикрывать, выходя на люди. Лодин одобрительно кивнул.

Затем мы осторожно двинулись вдоль каменной стены.

При каждом шаге босые ноги обдает холодом, чувство тревоги трепыхается в груди, как перепуганная птица, а когда оказались возле угла, меня охватила дрожь. Лодин заметил и попытался обнять за плечи, видимо решив, что замерзла. Я нервно скинула руку и обожгла его взглядом.

Он проговорил, косясь на угол, откуда доносятся непривычные громкие звуки:

– Просто хотел помочь.

– Лучше придумай, как вернуть нам силы, – буркнула я.

Черноволосый отозвался, тревожно вглядываясь вперед:

– Вернем, леди-пламя. Обязательно вернем.

Потом жестом приказал мне оставаться здесь, а сам на полупальцах направился к углу. Я наблюдала, как он удаляется, красиво поигрывая мышцами спины и думала, насколько мы близкие родственники. Но вспомнив его переменчивое поведение, решила, пусть лучше будет братом, который защищает, чем ветреным ловеласом, треплющим нервы.

Лодин остановился. Сюда слышно, как из-за угла что-то время от времени рычит и сигналит, кто-то бормочет, доносится ритмичный топот. Я пыталась представить, что за зверь может издавать такие звуки, но воображение тут же нарисовало огромных страшилищ.

Пришлось потрясти головой, выгоняя мысли и сосредоточиться на Лодине, который застыл у края и чего-то ждет.

– Давай, – подбодрила я. – Ты же у нас главный по защитам.

– Приходится, – пробормотал он.

Потом прижался спиной к стене и осторожно, словно опасается лучников, высунул нос.

Я видела, как расширились глаза, как раскрылся рот. Несколько мгновений он стоял неподвижно. Даже когда окликнула, остался стоять, как истукан.

Выждав еще немного, приблизилась сама.

Едва он заметил, что я рядом – резко прижал к стене и проговорил торопливо:

– Все гораздо серьезней, чем мы думали, леди-пламя. Смотри. Чудовища. Одни чудовища.

Осторожно, стараясь держать меня в тени, он позволил приблизиться к краю. Я высунулась и охнула.

По дороге, сделанной из того же монолитного камня, на который мы упали, несутся существа, похожие на гигантских жуков. У одних глаза круглые, у других – узкие, словно у пантер, готовых к прыжку. По краям дороги с обеих сторон бегут люди в странной одежде. Дома вокруг огромные, как замки, но уродливые и какие-то одинаковые, все из идеально ровного камня. На углах столбы с цветными огнями время от времени мигают, и чудовища, на дороге останавливаются.

Я присмотрелась к одному и увидела внутри человека. Он смотрит вперед и сжимает в пальцах что-то вроде кренделя или баранки.

– Это не чудовища, – выдохнула я.

Лодин вопросительно оглянулся, а я пояснила, указывая на дорогу:

– Говорю, это не чудовища. Вот эти рычащие штуки. Это повозки. Смотри, внутри люди.

Он присмотрелся, между бровей появилась морщина, словно это открытие его не обрадовало.

– Что за люди добровольно станут забираться в такое? – пробормотал он.

– Наверное, те же, – отозвалась я задумчиво, – что и запрягают лошадь. Видишь, какие они дикие? Погляди, женщины в исподнем ходят. Может у них лошадей не водится?

Лодин покосился на меня и проговорил с ухмылкой:

– Это ты про исподнее говоришь? Сама давно в зеркало смотрела?

Я ответила, вскинув подбородок:

– Моя исподнее – это жизненная необходимость. С огнем платьев не напасешься. И вообще, я хорошо одета. Видишь, даже волосы сорочку прикрывают. Все прилично.

– Ну да.

– И ты сам в портках. Так что молчи.

Мы замолчали и снова стали разглядывать бегущие по дороге повозки и людей в них. Один раз прокатилась повозка без крыши. Внутри юноша с короткой стрижкой и темных пластинках на глазах ритмично дергал головой, а из повозки доносился жуткий грохот.

Потом проехала большая белая повозка с крестом и цветными огнями сверху. Пронзительно визжа, она умчалась по дороге, заставляя другие повозки в спешке съезжать в стороны.

Прошло не меньше пяти минут прежде, чем Лодин предложил двигаться дальше.

– Нужно идти, леди-пламя, – сказал он, кривясь. – Фарбус говорил о запахе. Но тут такой смрад, что даже королевские розы не перебьют.

– У меня уже в носу свербит, – согласилась я.

– Придется потерпеть, – участливо произнес Лодин. – Понимаю, я ветер, приспосабливаюсь моментально. А ты, капризная. Но соберись. Ты же помнишь, зачем мы тут?

Я вздохнула.

– Забудешь тут…

Собравшись с духом, мы шагнули из-за угла и двинулись вперед.

Люди, бегущие по краям дороги таращились на нас так, словно мы какие-нибудь разбойники и конокрады, тыкали пальцами, а мужчины сально улыбались и присвистывали. В Звенящей Долине зевак тоже было достаточно, но никто не смел открыто выражать внимание потому, что знали – могу швырнуть огнем, и от них останется горстка пепла.

– Дикари, – пробубнила я, прижимаясь к черноволосому.

Тот идет, вскинув подбородок. Шутовские манеры куда-то делись, в глазах тревога, а тело напряжено так, что вот-вот распрямится струной и начнет крушить врага.

– Ты это видишь? – спросил он.

– Что?

– Присмотрись.

Я стала вглядываться в людей. Все хмурые, даже дети, которые либо вопят и дергают родителей за руки, либо дуют губы. Потом стала замечать, как вокруг некоторых прохожих что-то вроде облачек. Одни темные, у других посветлее, третьи вообще цветные. У облачных взгляды особо цепкие и пронзительные.

Я прошептала:

– Ведьмы…

– Каждая третья, – отозвался Лодин так же тихо.

– И чародейки, шептуньи, ворожеи, желчницы. Даже силовые вампиры…

Лодин прижал меня сильнее и проговорил напряженно:

– Какой-то ведьмин город. Не смотри на них. И так глазеют. Кажется, все из-за одежды. Мы слишком бросаемся в глаза. Нужен местный наряд.

– А если он сгорит? – спросила я, посылая злой взгляд мужику, который беззастенчиво на меня таращится.

Но тот только расплылся в глупой улыбке, а Лодин произнес:

– Не сгорит. Наши силы ушли вглубь.

– Как жаль, – отозвалась я угрюмо. – Иначе эти мерзавцы давно стали кучками золы.

– Какая страшная и опасная леди-пламя, – попытался пошутить черноволосый, но сейчас его слова прозвучали почти трагично. – Если тут столько ведьм, лучше не высовываться.

Слева за огромным окном заметила застывшие фигуры людей, наряженных так, будто эта одежда может сделать их живыми. Рядом дверь. Над ней надпись, вроде понятная, но будто написанная ребенком, причем левой рукой.

Я указала туда и проговорила:

– Смотри. Там наряды.

– Молодец, – похвалил он. – Идем и возьмем.

Мы вошли в широкое помещение, завешанное перекладинами, на которых плотно висит одежда, такая пестрая, что у меня даже в глазах зарябило. Людей не много, но те, кто есть, вытаращились на нас круглыми глазами, одна женщина даже рот открыла.

Девушка в короткой юбке и таким глубоким вырезом, что даже мне стало стыдно, подбежала к нам и быстро проговорила:

– Извините, сюда в таком виде нельзя.

Лодин посмотрел на нее сверху вниз, девушка кукольно улыбнулась и заморгала ресницами, такими огромными, каких в природе не бывает. Глаза ветра хитро сверкнули, улыбка стала шире, а взгляд остановился на бесстыжем декольте.

Я фыркнула, а Лодин произнес нарочно вежливо:

– Мы здесь именно за тем, чтобы изменить этот вид.

– Что простите? – не поняла девушка.

Лодин пояснил:

– Нам нужен наряд. Для меня и моей спутницы. Такой, чтобы ни у кого не возникло сомнений что мы здесь живем.

Лицо девицы моментально изменилось, губы растянулись в улыбке, а голос стал такой слащавый, что в воздухе почти запахло медом.

– Так вы хотите совершить покупку? – радостно произнесла она, видимо забыв, о нашем виде. – Вы туристы? Откуда приехали?

– Издалека, – уклончиво сказал черноволосый.

Девушка защебетала:

– Тогда вы зашли по адресу. У нас есть все, что нужно заграничному туристу. Вы, кстати прекрасно говорите, совсем без акцента.

– Эм… Спасибо, – пробормотал ветер.

– Одежду какого стиля предпочитаете вы и ваша жена? – поинтересовалась девица, окидывая меня хищным взглядом. Хотя улыбка стала шире.

Лодин покосился на меня через плечо и хмыкнул, а я сложила руки на груди и отвернулась, не желая наблюдать заигрывания бесстыдной подмирской девицы и ветреного Лодина.

Послышался его смешок, потом ветер проговорил:

– Жена? Нет. Это сестра. Родная по… гм… Наверное, отцу. Или матери. Но определенно сестра.

Девушка просияла, словно попала в мишень с двухсот шагов. Она потащила нас к каким-то перекладинам с вещами, произнося какие-то названия и слова, с таким воодушевлением, что, видимо, должны были сразу проникнуться. Мы с Лодином лишь переглядывались.

Потом стала прикладывать разные наряды то ко мне, то к нему. Наконец, всучила обоим по куче вещей и отправила в крошечные комнатки за шторками.

– Я положила вам платье, – произнесла она вдогонку. – Под ваши огненные волосы будет в самый раз.

Радуясь, что удалось хоть не на долго отделаться от обоих, я закрыла шторку. На одной стене в комнатке обнаружила зеркало во весь рост и простонала. Из-за стекла на меня смотрит невысокая девушка с длинными рыжими волосами, лицо и сорочка перепачкано то ли сажей, то ли пылью, в руках охапка вещей, а взгляд, как у перепуганного котенка.

Пока приглядывалась к отражению, в глубине стекла мелькнуло взбешенное лицо огнекрылого.

Я отшатнулась, внутри все заклокотало потому, что никогда не видела себя такой жалкой и беспомощной.

– Тебя там не может быть, – прошептала я.

Фигура огнекрылого перестала мельтешить и застыла, не сводя с меня пламенного взгляда. Губы зашевелились, а до меня долетели тихие, но разборчивые слова:

– Агата…. Что ты сделала?

– О нет, – прошептала я, представляя, как огромная рука Ферала вылезает из зеркала, хватает меня и утаскивает в пылающий мир.

Но тот, видимо, не может пройти стеклянный барьер и продолжает прожигать меня огненным взглядом.

– Я найду тебя. Агата… Ты моя…

– Не найдешь, – сдавленно проговорила я и зажмурилась. – Не найдешь. Я в другом мире. Их сотни тысяч, ты не сможешь попасть и в половину.

Лишь спустя пару минут смогла взять себя в руки и открыть глаза. Зеркало вновь стало нормальным, а я в отражении все такая же всклоченная и перепачканная.

Бросив вещи на круглый стульчик в углу, я облегченно вздохнула и вытерла лоб.

Большинство нарядов оказались ужасными. Девица надавала мне штанов и исподнего, которое зачем-то подвязано поясом. Были юбки, похожие на ту, в какую одета она сама, а еще сорочки длиной лишь до пояса.

Порывшись в этом непотребстве, все же нашла относительно годный наряд. Красное платье до колен. Когда натянула поверх сорочки и подвязала поясом, оказалось очень недурно. Аккуратная горловинка, рукава по локоть и изящно подчеркнутая талия. Волосы перевязала в пучок на затылке веревочкой, которую вытянула из юбки.

Когда вышла из комнатки, Лодин уже переоделся и сидит на стуле со скучающим видом. На нем почти такие же портки, как были, только из жесткого синего материала, и рубашка без пуговиц с короткими рукавами.

– Наконец-то, – проговорил он, заметив меня. – Я начал засыпать.

– Не то ты говоришь, у видев девушку в новом платье, – пробурчала я.

Он окинул критичный взглядом мой наряд, потом произнес:

– Платье удачное. Теперь совсем, как местные.

– Лодин, – начала я неуверенно, – там…

Лицо ветра моментально посерьезнело, он подался вперед и спросил:

– Что?

– Ферал.

Лодин вытаращил глаза.

– Где? – выдохнул он неверяще.

Я указала на комнатку, из которой вышла и произнесла:

– Там. В зеркале. Он видел меня и пытался говорить. Сказал, что найдет.

Плечи ветра расслабились, он облегченно выдохнул.

– Фух. Напугала. Я уж решил, он, и правда, как-то смог сюда перебраться. Не переживай. Без Фарбуса ни одно существо не сможет пересечь границу миров. Если мы вернем цветок, естественно. А вот если не вернем…

Он демонстративно провел большим пальцем по шее и закатил глаза. Я попыталась засмеяться, но перед глазами все еще лицо огнекрылого, и получилось что-то вроде стона умирающего.

Девица подбежала к нам, вся легкая и воодушевленная, улыбка стала широкой, видно почти все зубы.

Она прощебетала, все так же улыбаясь:

– Платить будете картой или наличными?

Мы с Лодином переглянулись. Едва успела сообразить, что к чему, как черноволосый ответил:

– Милая барышня, ты, видимо хочешь золота. У нас его нет. Но мы можем отработать эти наряды.

На последней фразе он сделал акцент и подмигнул. Но улыбка девушки моментально погасла, в глазах заблестели искры, а лицо стало строгим, как у королевского советника.

Она произнесла с расстановкой:

– У нас так не положено.

– Тогда мы отдадим долг твоей лавке в следующий раз, – сказал Лодин, разворачиваясь и увлекая меня за собой.

Девушка выдохнула.

– Вы куда?!

– По очень срочному делу, – отозвался черноволосый, направляясь к выходу.

Но девица простучала каблуками и перегородила путь, глядя так гневно, что мы должны были испепелиться на месте.

– Нужно заплатить, – сказала она с нажимом. – Либо отдавайте товар.

– Но как мы пойдем без одежды? – удивился черноволосый.

Губы девушки искривились, она произнесла едко:

– До этого же как-то шли.

– Шли, – согласился ветер. – А теперь не можем. Никак не можем. Понимаешь?

Лицо девицы потемнело, она уперла кулака в бока и сказала:

– Я понимаю. Очень хорошо понимаю. Таких наглых воров еще не встречала.

– Мы не воры! – не удержалась я.

Девица ошпарила меня взглядом, с каким тигрица могла бы защищать потомство, потом прокричала в сторону:

– Николай! Иди сюда! У нас тут нарушители. Задержи, а я вызову полицию.

Из-за угла с надписью «охрана» появился мужик, ростом не меньше двух метров. В плечах как два Лодина, а лицо злее, чем у огнекрылого в момент ярости.

Он широкими шагами приблизился к нам и навис горой. Девушка, которая и так не отличается ростом, показалась совсем крошечной, да и я ощутила себя не лучше.

Мужик грозно посмотрел на нас и прогудел:

– Эти?

Девушка быстро закивала.

– Они самые. Придержи их, а я скоро.

Цокая каблуками, как подкованная лошадь, она куда-то убежала, а Николай опустил нам на плечи ладони, напоминающие лопаты и проговорил:

– Ну шо, дебоширы, пошли.

Лодин дернулся в сторону, попытался вывернуться, но Николай сжал пальцы, черноволосый поморщился и с ненавистью посмотрел на него.

– Вы совершаете большую ошибку, – проговорил Лодин тихо, но четко.

Мужик глухо усмехнулся.

– Угу. Ошибку. Давай-давай, топай.

Нас отвели в небольшую комнатку за стеной, увешанной пестрыми платьями и шляпками странной формы. В комнатке оказалось всего два стула, стол с недоеденным супом и кружкой какого-то варева.

Николай указал мне на стул, а Лодина толкнул вперед.

– Сэдэть тута. Тико попробуйте высунуться.

Потом закрыл дверь, послышался звук замка, и мы снова остались вдвоем.

– Ну у него и говорок, – процедил Лодин. – Подмирский…

В комнатке душно, воздухоотводов нет, лишь под самым потолком крошечное окошко, из которого доносятся звуки лавки. Пахнет подгоревшей пищей и чем-то непонятным.

Лодин сидит непривычно хмурый, брови сдвинуты, а взгляд уперся в пол, будто там можно найти ответы. Идеальное лицо, которое несколько минут назад было юношеским, превратилось в угрюмую физиономию разбойника, видавшего жизнь.

Я пару мгновений думала, как подбодрить, потом сказала:

– Ты ничего не мог сделать. Он слишком большой, а мы лишены силы.

– Не мог, – сквозь зубы проговорил ветер. – Будь я собой, мы бы тут не оказались. Мы бы поднялись на самый верх, где эти безумцы нас не достанут. И полетели бы на крыльях ветра.

Внутри шевельнулась обида.

– Можно подумать, – произнесла я. – Если бы у меня были силы, я бы тоже не переживала. А теперь нас посадили в темницу.

– И мы все еще не знаем, где искать цветок.

– Вот именно, – согласилась я, все больше закипая. – А я рискую не только миром, но еще и Звенящей Долиной.

Он хмыкнул мрачно.

– Если не будет Трехмирья, то глупо думать о какой-то Долине.

– Не смей так говорить!

Внутри тайно надеялась, что такой гнев поможет высвободить мою пламенную суть. Но вся злость носится по венам, а когда достигает кожи – словно ударяется и уходит обратно.

Лодин скрипнул зубами и посмотрел на дверь. Я догадалась, о чем он думает и сказала:

– Не получится. Даже если вышибешь дверь, этот Николай наверняка стережет с обратной стороны.

– Дикари, – процедил черноволосый.

Мы замолчали. Каждый погрузился в размышления. Я представляла, как возвращаюсь обратно, как огонь, родной и теплый, окутывает меня и ласкает кожу, больше нет ни Подмира, ни огнекрылых, ни Вормхола… Ни даже сына пастуха, который в головой окунул в суровую реальность и в рассыпал в пыль мечты о бесконечной любви.

Потом сквозь окошко под потолком долетели голоса. Девичий что-то объяснял. А мужские серьезно спрашивали. Через пару мгновений раздались шаги, замок чиркнул, а когда открылась дверь, перед нами возникли трое мужчин, одетых в темные наряды. У каждого на голове шляпа с гербом, на наряде тоже какие-то гербы и нашивки.

Тот, что стоит ближе всех произнес почему-то весело:

– Что тут у нас? Эти?

Он кивнул на нас и посмотрел в сторону, где, видимо стоит девица. Оттуда донесся ее голос:

– Они. Не хотят платить.

Мужчина посмотрел на Лодина, потом перевел взгляд на меня и все так же весело спросил:

– Ну? И почему не хотите платить?

Черноволосый поднялся, на что мужчины в одинаковых одеждах дернулись и потянулись к поясам. Но, видя, что мой спутник больше не двигается, опустили.

Лодин проговорил:

– Это не правда. Мы готовы оплатить, как можем. Но девушке видимо, нужно золото.

Мужчина хохотнул и покосился на девицу:

– Золото?

Та затараторила:

– Какое золото? Что за ерунда? Мы его даже не принимаем. Все стандартно – карты, наличные, бесконтактная оплата. А они какую-то ересь заладили. И вообще, заявились сюда в неприличном виде. Девушка вообще в ночнушке, лицо раскрашено под боди-арт, в черное. Думала, какие-нибудь ролевики. А они красть…

Лодин проговорил возмущенно:

– Мы ничего не крали. А готовы были отработать одеяния, которые взяли.

Брови веселого мужчины поднялись, он хмыкнул и сказал, обращаясь к остальным:

– Видали, готовы? Ну и прекрасно. Забираем этих.

Мужчины, которые, по всей видимости, его помощники, быстро прошли в комнатку. Лодин сжал челюсти, но взглядом приказал мне не противиться и выполнять, что прикажут.

Под пристальным вниманием Николая и девицы нас повели к выходу. Когда оказались у самых дверей, девица процокала каблуками и остановилась возле веселого мужчины с тревожным лицом.

– Куда? – выдохнула она. – А платить?

– Разберемся, – отозвался мужчина чуть менее весело.

Девушка попыталась снова.

– Но они в нашей одежде. Что я скажу начальству?

Веселый мужчина быстро становился не веселым. Улыбка с лица исчезла, а на лбу появились морщины.

– Скажите, полиция разбирается, – произнес он. – Или предлагаете в белье их в участок везти?

– Но они же до этого так ходили.

– А теперь не положено. Не положено говорю.

С этими словами нас вывели из лавки. Перед дверью оказалась большая повозка бело-синего раскраса, на крыше цветные сияния. Один из мужчин прошел вперед, открыв дверку, двое других затолкали нас внутрь, потом сели сами. Веселый мужчина сел вперед и схватился за баранку.

Из-за угла вывернули трое, тоже в одинаковых нарядах, и подошли к телеге. В черных папахах с красными рукавами, на голове шапки, похожие на ведра, но кудрявые, словно сделаны из бараньего меха.

– Добре, други! – отсалютовал один из них. – Разбойныкыв впиймалы?[1]

Вселый закивал и помахал им.

– Да, работаем.

– Мы тоже робым,[2] – отозвались мужчины в шапках и пошли дальше по улице.

Когда телега загудела, завибрировала, а потом покатилась, будто ее тянет четверка лошадей, внутри все замерло. Я нервно сглотнула и уставилась в окно, где дома поплыли сначала плавно, потом все быстрей, и через несколько мгновений поняла – ни одна лошадиная упряжка не может разогнаться до такой скорости, тем более, быстро.

Ехали молча. Лодин косился на наших пленителей, видимо размышляя, как улизнуть, а я мечтала оказаться дома, в избе у очага, но без Ферала и обязательств, которые на меня свалились.

Мы несколько раз поворачивали, два раза останавливались, а когда телега замерла и перестала гудеть, люди вышли и вытащили нас.

– Где мы? – спросила я Лодина.

Веселый мужчина услышал и ответил вместо него:

– Полицейский участок северного округа. Можете один раз позвонить. А то знаю вас, сейчас начнете требовать телефон адвоката и молотый кофе.

Мы переглянулись, Лодин сказал:

– Я вас не понимаю.

– Это ничего, – проговорил веселый. – Сейчас начнем разбираться, и будет все понятно, все ясно.

Он стал подниматься по ступенькам, остальные настойчиво потолкали нас следом. Когда поднялись, впереди оказалась широкая деревянная дверь с двумя створками. Веселый толкнул, и нас провели внутрь.

Там оказалось шумно. Туда-сюда шныряет народ, раздаются сигналы, кто-то кричит, все в одинаковых нарядах.

Веселый указал на стулья, соединенные друг с другом железными досками, будто кто-то мог украсть, и сказал:

– Ждите тут. Когда дойдет до вас, тогда и поговорим. А сейчас не мешайте и даже не пытайтесь улизнуть. Вы в полицейском участке.

Он и его спутники разошлись и сели за столы, а мы с ужасом наблюдали за суетой и хаосом, который творится в комнате.

Пар раз мимо пробегала женщина с туго стянутыми волосами, она громко ругалась в прямоугольную пластинку, прижатую к уху. Вообще такая пластинка была у каждого. Время от времени они прижимают ее к уху, но чаще просто смотрят на нее, потом убирают в карман.

Я прошептала:

– Фарбус предупреждал, Подмир страшное место. Но не думала, что на столько. Почему они кричат в эти пластинки.

– Возможно это какие-то магические артефакты, – предположил Лодин.

– Но Фарбус сказал, в Подмире нет магии. Он слишком плотный для нее.

Лодин поморщился и проговорил:

– Фарбус никогда не покидал хранилища. Откуда ему знать?

– Но он же смотритель.

– И что? – удивился ветер. – Думаешь, если бы я строго следовал его инструкциям, у меня бы получилось выкрасть тебя прямо из рук огнекрылого? Фарбус очень мудр, но о мирах знает только то, что позволяет его пост.

Я задумалась. Если до этого задача была более-менее понятной, то теперь в голове снова каша, а в груди в который раз за сегодня страх.

– Значит, попасть в лапы к этим одинаковым входило в твои планы? – поинтересовалась я.

– Конечно, – невозмутимо ответил ветер. – Нам нужно было выбраться из той лавки, подальше от медведя-Николая. Заметь, это блестяще удалось.

Я буркнула:

– Заметила. Да только мы теперь в другом плену.

– Не торопись, – посоветовал Лодин. – Ветер, знаешь ли, часто меняется. Нужно просто дождаться и поймать поток.

– Это ты ветер, – проговорила я, косясь на его идеально вылепленный подбородок, который вновь стал юношеским, а взгляд цепким и шутовским. – А я огонь. Мне условия нужны. Я так быстро меняться не умею.

– Ничего, я помогу. Раздую жар посильнее, если понадобится.

– Утешил, – сказала я, качая головой.

Чтобы отвлечься от тревоги и дать Лодину спокойно подумать, как вытащить нас из плена, стала разглядывать помещение.

Помимо одинаково одетых людей, были еще другие. Они, как и мы, сидят у стен на стульях. Лица угрюмые, один все время дергает ногой, притопывая пяткой. В самом углу щуплый парень, одетый в серый балахон на несколько размеров больше него. Взгляд такой, словно не замечает происходящего, а люди для него не больше назойливых мух.

Потом привели еще одного человека – большого и белокурого. Такие лучше всего справляются с плугом и сохой потому, что обладают не дюжей силой. Видимо, поэтому на запястьях блестят металлические браслеты, наподобие кандалов, только маленькие.

Когда проводили мимо, он посмотрел на меня, будто готов сожрать на месте, и жутковато улыбнулся.

Я прижалась к Лодину, тот покосился на меня и спросил:

– Ты чего? Не забывай, мы родственники. Так что…

– Тебе бы все шутить, – отозвалась я.

– А почему нет? – удивился он. – Смех жизнь продлевает. Ну, чего жмешься?

– Вон тот, – сказала я, кивая на громилу, – страшно смотрит.

Ветер оглядел его хмуро.

– Мда. Действительно. Дай мне еще пару минут. Скоро ветер переменится…

Пока он изучал ветряные потоки или что-то там, щуплый парень в углу поднял голову и почему-то посмотрел прямо на меня. Я поспешно отвела взгляд, надеясь, что потеряет ко мне интерес, но когда украдкой на него взглянула, парень все еще сверлил меня взглядом.

Тем временем громилу усадили за дальний стол перед веселым мужчиной и принялись о чем-то расспрашивать. Тот отвечал нехотя, хмурил брови и скалился, как голодный волк.

Когда веселый отвернулся, громила вдруг вскочил и выхватил у него из-за пояса черный изогнутый предмет.

– Всем не двигаться! – прогудел он густым басом. – Не двигаться я сказал!

Люди в одинаковой одежде застыли, щуплый с интересом уставился на громилу, а Лодин забегал взглядом.

– Вот ветер и поменялся, – пробормотал он.

Громила снова закричал:

– Всем отойти! Вы пожалеете, что связались со мной!

Пятясь, он стал медленно продвигаться к выходу. В этот момент один из людей, что стоял ближе всех напрыгнул на него со спины, пытаясь выхватить изогнутый предмет. Другие люди тоже кинулись на громилу, завязалась драка.

Лодин схватил меня за руку и вскочил:

– Сейчас! – скомандовал он.

Как перепуганные кролики, мы метнулись к двери. Оказавшись на улице, помчались через три ступеньки вниз. Лодин тащил меня, подбадривая и дергая, чтобы быстрее шевелила ногами.

Здание пленителей осталось позади, а мы все еще бежали, заставляя прохожих расступаться с недовольными криками. Впереди через дорогу показались двое людей в одинаковой одежде.

– Смотри! – вскрикнула я. – Это их сообщники!

Лодин резко затормозил.

– Проклятье! – выругался он.

В этот момент перед нами остановилась серая телега, окно открылось, из нее высунулась голова щуплого парня.

– Садитесь, – приказал он.

Не долго думая, мы метнулись к задней дверце. Лодин моментально разобрался с ее механизмом, и через пару секунд серая телега уносила нас в неизвестном направлении.

[1]«Добре, други! – отсалютовал один из них. – Разбойныкыв впиймалы?» – Приветствую, друзья! – отсалютовал один из них. – Разбойников поймали?

[2]«Мы тоже робым» – мы тоже работаем.

Глава 4

Я смотрела на мелькающие в окне дома и думала о том, какая магия заставляет повозку двигаться самостоятельно, да еще с такой скоростью. Потом вспомнила, это Подмир, магии тут быть не может, и решила непременно узнать, как может действовать то, что действовать не может.

Мы с Лодином сидим на заднем сидении, черноволосый напряжен, сосредоточен и совсем не похож на шута, каким был в хранилище. Я хмыкнула. Ветер переменчив. Только что дул веселый легкий бриз, а через пять минут налетит шквал, раскидает телеги с сеном, посрывает крыши с домов.

На переднем кресле щуплый парень, который при ближнем рассмотрении не такой уж и щуплый. Если бы не заостренные черты лица и безразмерный балахон, который делает фигуру непонятной, можно было бы назвать симпатичным.

Сижу чуть по диагонали, поэтому вижу лишь часть лица. На щеках однодневная щетина, нос прямой, губы тонкие и плотно сжатые. Парень смотрит вперед, иногда поворачивая голову, тогда мне видно глаза цвета стали, задумчивые и внимательные.

– Я Фил, – сказал он не оборачиваясь. – Вообще Филлип, но так даже родители не называют.

Снова повисло молчание, которое прервал Лодин. Он спросил:

– Почему ты нам помогаешь?

Фил ткнул на цветную пластинку рядом с правой ногой, по телеге растеклась музыка, какой прежде не слышала. Словно сотни невидимых трубадуров играют на волшебных инструментах.

Я выдохнула восторженно:

– Что это?

Фил бросил небрежно:

– Станция «Инструментальная классика». В машине только это ловит. Хотя другого не слушаю. Классика на мозги хорошо влияет. А я люблю, когда мозги работают.

Мы с Лодином переглянулись, он повторил:

– Почему ты нам помогаешь?

– Да так, – произнес Фил, вертя баранку телеги и заставляя ее поворачивать направо. – По пути было. Видел, как вы улепетывали под шумок из отделения. Я, к стати, был занят тем же. Только у меня машина припаркована была. А у вас, как вижу, нет. Ну?

– Что «ну»? – не понял Лодин.

– За что вас? – пояснил Фил.

– А тебя за что? – вопросом на вопрос ответил ветер.

Губы Фила поползли в стороны, я решила, что улыбка ему идет, но все-таки подмирец не в моем вкусе из-за слишком острых черт и длинного подбородка.

– Подумали, что я украл данные с серверов одной компании.

– Ты разбойник? – спросил ветер.

Фил даже оглянулся, взгляд стал внимательным, а глаза прищурились. Он изучал Лодина, пока проезжающая мимо телега не загудела протяжно и неприятно. Тогда он резко развернулся, выравнивая баранку и сказал:

– Я не разбойник, а исследователь. Если бы у них на меня что-то было, они скорее всего, завербовали бы куда-нибудь. Я ничего не беру и ничего никуда не сливаю. Считайте это любознательным спортом.

Брови Лодина сдвинулись. Как и я, он ничего не понял, но видимо решил держать с этим Филом ухо в остро. Мне же он показался не опасным и, наверное, очень умным, раз может управлять такой телегой.

Откуда-то раздался мелодичный звук, я завертела головой, Лодин одернул меня и посмотрел строго, мол, не выдай нас своим невежеством. Пришлось замереть, ожидая, что источник звука сам проявит себя.

Фил ткнул на блестящую пластинку и поднес к уху.

– Да, – громко сказал он, перекрикивая волшебных трубадуров, которых назвал «станция инструментальная классика». – Еще два сервера? Вы там совсем обалдели? Я сутки поднимал предыдущий.

Я осторожно наклонилась к Лодину и спросила шепотом:

– С кем он говорит?

– Не знаю, – ответил он не оборачиваясь таким же шепотом. – Но если бы хотел нас убить, мы бы об этом уже знали.

Фил тем временем продолжал вещать, одной рукой время от времени поправляя баранку:

– Нет, погодите. Мы договаривались на один сервер в месяц. Остальное оплачивается по двойному тарифу… Нет, ночью не поеду… Что?.. Нет, я ночью тоже сплю.

Он оглянулся и бросил через плечо, виновато сдвигая плечами:

– Извините. Это с работы, так сказать. У них сервер грохнулся.

Потом снова развернулся, выравнивая телегу и продолжил говорить с невидимым собеседником:

– А вы мне не угрожайте, а то на удаленное администрирование уйду… Чего? Ну знаете, у меня своя резервная копия есть. Все-все, приеду, как будет время.

Он скользнул пальцем по пластинке и сунул ее в карман. Очень хотелось спросить, что это, с кем он говорил, и что все это значило, но взгляд Лодина заставил сидеть молча.

Фил снова повернул повозку, и мы выехали на широкую дорогу, где носятся телеги разных размеров и цветов. Иногда проезжают размером с дом, но встречаются и маленькие, еле один человек помещается.

Наша телега выехала к самому левому краю и помчалась, как сотни запряженных лошадей.

Я вжалась в сидение и вцепилась в ручку на двери. Она оказалась странной на ощупь, словно сделана из застывшего масла. Лодин заметил испуг и положил прохладную ладонь мне на пальцы. В этот раз скидывать не стала, в душе радуясь, что могучий ветряной родственник со мной.

Фила, похоже, скорость телеги вообще не волновала. Сидит расслабленный, откинувшись на спинку, правая рука на каком-то рычаге, левая повисла на нижней части баранки.

– Ну так что? – спросил он. – Хоть расскажите, кому помогаю. Кто вы, где вас высадить?

Я неожиданно даже для себя проговорила:

– Меня зовут Агата, я огонь. А это Лодин, он ветер.

Фил покосился на нас и присвистнул.

– Ролевики? – спросил он, потом сам же ответил: – Ролевиков-то за что в полицию? Вы же безобидные. Или нет? Что натворили?

– Мы ничего не творили, – произнесла я, чуть осмелев. – Просто чтобы найти цветок, нам нужна была одежда…

Лодин пнул меня в бок, я ойкнула и сердито посмотрела на него. Взгляд ветра потемнел, в глазах словно буря поднялась, и я поняла – внутри него заперт настоящий ураган.

Поежившись, замолчала и опустила взгляд в пол, где на ковриках из странного материла рассыпаны хлебные крошки.

Фила, похоже, мой рассказ не удивил. Он понимающе кивает и цокает языком. Спустя пару минут проговорил:

– Я раньше тоже занимался всяким таким. Костюмы там, сценарии. Выезжали за город и разыгрывали сцены из фильмов. Но потом как-то поднадоело. Тем более, я люблю качественную работу, а мой ролевой клуб как-то… Ну, в общем, просто наряжались во что попало и думали, они эльфы. Халтура в общем. Вот косплееры и реконструкторы – это да.

– Ролевики… – повторила я, размышляя над значением слова.

Фил снова кивнул.

– Ага. Но я уже не стал заниматься ни тем, ни другим. Когда понял, что можно зарабатывать мозгами, полностью ушел в, гм, свое дело. Ну и по старой дружбе помогаю то там, то тут.

Лодин сверлил затылок Фила, словно надеялся высмотреть его потаенные мысли, подловить на чем-то, но тот непринужденно управляет телегой и поглядывает по сторонам.

– Куда ты нас везешь? – спросил Лодин.

– А куда вам надо?

Черноволосый быстро глянул на меня, я пожала плечами. Тогда он произнес:

– Расскажи нам об… этом поселении.

Фил впечатленно выдохнул.

– Так, – сказал он, – а вот это уже любопытно. Вы не местные. И, судя по вашим круглым глазам, прибыли издалека. Прям очень. Где остановились?

– Пока нигде, – ответил Лодин.

– Зато успели побывать в полицейском отделении, – усмехнулся Фил. – Молодцы, ловко. За вами никакой интерпол не гоняется случайно? А то везу, на свой страх и риск.

Боясь, что единственный помощник в этом безумном мире может нас прогнать, я подалась вперед, схватившись за спинку переднего сидения и проговорила быстро:

– Честное слово, мы не знаем, кто такой интерпол. Мы никогда его не видели и не ссорились с ним.

Фил снова оглянулся на нас, на этот раз озадаченно. В глазах непонимание и настороженность, словно и впрямь размышляет, не высадить ли нас прямо тут, среди множества телег.

– Не знаете интерпол? – проговорил он с сомнением. – Это хорошо, что не знаете. Нечего его знать…

Потом повернул баранку направо, телега прижалась к правой стороне, потом свернула и поехала по кругу вниз. Через некоторое время дорога вновь пошла прямо, по краям стены деревьев, я на секунду почувствовала себя дома, где бескрайние леса, голубое небо и золотистое солнце.

Другие телеги исчезли, и мы мчимся по вечерней дороге куда-то вдаль. Я украдкой поглядываю на Лодина и на Фила. Если первый делает вид, что спокоен, хотя в глазах мелькают маленькие вихри, то второй напряжен и, время от времени, косится в зеркало под потолком.

Несколько минут ехали молча, погруженные в музыку невидимых трубадуров, потом они стали хрипеть, а затем вовсе превратились в шипение. Фил ткнул куда-то и в телеге стало тихо. Только небольшой гул колес и вибрация снаружи.

Он спросил, хмуря брови:

– Все-таки, откуда вы?

На этот раз ответил Лодин, который быстрее приспосабливается к условиям, как и положено воздуху:

– Из очень далекой страны.

– Такой далекой, – уточнил Фил, – что даже не называешь?

Лодин нарочно пожал плечами.

– Она так далека и так неизвестна, что название тебе ни о чем не скажет, – произнес он. – Но могу заверить, твой интерпол туда ни разу не приезжал.

Фил охнул и поплевал через плечо.

– Радуйся, – сказал он. – Уж лучше вообще о них ничего не знать. Хотя тут своих хватает… Так. Ну хорошо. Вы приехали из какой-то дыры. Извините, не обижайтесь. Попали в лапы полиции. За что?

Я вздохнула и произнесла тихо:

– Из-за одежды.

– Одежды? – не понял Фил.

Лодин строго посмотрел на меня, а сам проговорил:

– Девица не захотела брать нашу плату и вызвала стражей закона. А они затолкали нас в ту телегу и привезли в… сам знаешь куда.

Фил кивнул.

– Знаю. И понимаю. Не стали принимать вашу валюту. Надо было с начала в обменник, там поменяли бы на наши деньги.

Я пробурчала:

– Не уверенна, что это вообще возможно.

– Ну не с золотом же вы приехали, – усмехнулся Фил. – Хотя даже если с золотом. Его в любом банке можно продать и получить свое. Только нужны документы. Иначе решат, что краденое.

На пустой дороге машина набирает скорость, деревья мелькают быстро, даже не успеваю понять, дубы или клены. К движению немного привыкла и уже не вжимаюсь в сидение, но пальцы все еще сжаты на ручке.

Солнце серебрится на блестящем носу телеги, и Фил щурится, как кошка на пороге в летний вечер. Когда приоткрыл окно, в щель ворвалась тугая струя воздуха. Волосы Лодина затрепыхались, он блаженно закрыл глаза, словно вот-вот растворится в родной стихии. Но вместо того, чтобы стать прозрачным, как в хранилище, и взлететь на облачке, лишь выпустил из носа голубоватый вихрь. Тот ударился в спинку сидения и растворился.

Фил снова достал прямоугольную пластинку и стал что-то в ней тыкать, а я потерла зудящую шею и шепнула Лодину:

– Не получается? Ветром стать не получается?

Черноволосый покачал головой.

– Нет, – ответил он таким же шепотом. – Я чувствую, как внутри меня бушуют ветра, словно я пустая оболочка. Но они не могут вырваться на свободу.

– Понимаю… – отозвалась я. – Что нам делать? Этому Филу можно доверять?

– Не знаю. Это Подмир. Тут может произойти что угодно. Но нам нужен кто-то, кто сможет провести по нему. Здесь все не так, как у нас. Они даже говорят странно. Слова знакомые, но смысла нет.

– И что? – спросила я снова. – Мы ему расскажем?

Черноволосый поморщился, словно ему наступили на пальцы. По лицу, вижу, Фил ему не очень нравится, но все, кого мы встречали до этого, были еще хуже. А проводник в Подмире действительно нужен.

Лодин сделал глубокий вдох и произнес:

– Ты слышал о Трехмирье?

Фил отозвался, все еще тыкая пальцем в пластинку, из-за чего на дорогу смотрит урывками:

– Это РПГ или стратегия?

Мы переглянулись в очередной раз.

– Думаю, ни то и ни другое, – с сомнением произнес Лодин.

– Тогда не играл, – сообщил Фил. – Я сейчас вообще меньше играю. Раньше мог сутками из дома не выходить. Качал персов, одевал. Сами понимаете. А теперь… тоже могу не выходить, но по другой причине. Так что за игрушка?

– Игрушка? – не понял черноволосый.

Я подсказала шепотом:

– Наверное, он решил, что это какая-то забава. Что Трехмирье, это забава, игра.

– Ах вот оно что, – пробормотал Лодин, и уже громче произнес: – Нет, это не забава и не игра. Трехмирье это… Мир.

– Ну, все игры, это мир, – согласился Фил. – Разработчики стараются так все расписать, проработать, что ух!

Лодин прочистил горло, явно недовольный выводами подмирца, и сказал:

– Никаких разработчиков и игр, Фил. Кода я сказал «мир», я имел ввиду такой же мир, как ваш, только другой.

Фил покосился через плечо, забыв об управлении телегой и прямоугольной пластинке. Даже не знаю, как без лошади повозка умудрилась ехать прямо.

Потом снова обернулся к дороге и проговорил озабоченно:

– Вы, случайно, веществ не употребляете в своей далекой стране?

– Не понимаю тебя, – хмуро отозвался ветер.

– Ну, – попытался пояснить подмирец. – Чего-то, от чего могут привидеться всякие сказки. Трехмирье какое-нибудь или другая ерунда.

Внутри все закипело. В груди словно растеклась лава, и если бы мы были дома, запустила бы в этого Фила огненный шар потому, что начала терять терпение.

Я проговорила громко, чувствуя, как на языке пляшут частицы пламени:

– Трехмирье не сказка и не ерунда! Это наш дом!

– Он случайно не огорожен железным забором с током по периметру? – опасливо поинтересовался Фил. – А внутри не ходят люди в белых халатах?

По венам потекло раскаленное пламя, но ударившись о кожу, обиженно уползло обратно вглубь.

– Слушай, мы плохо понимаем твою речь, – проговорила я. – Но нам нужна помощь в этом безумном мире. Помощь, понимаешь? Мы посланы сюда с задачей. И если не выполним ее, может случиться большая беда.

Фил уже смотрел на нас, как на ненормальных, глаза округлились, и без того тонкие губы сжались, образовав едва заметную полоску.

– Вот так и помогая людям, – пробормотал он.

Я не отступала.

– Ты должен нам помочь! Должен! Нужно найти цветок и забрать его отсюда. Лодин – ветер. Настоящий. А я – огонь. А это безумный Подмир, откуда может грозить страшная опасность.

Фил побледнел. Но почему-то кажется, не от осознания возможной опасности. Он нервно косится на меня, на Лодина поглядывает в маленькое зеркало под потолком, а машина все набирает скорость.

Фил быстро глянул в пластинку, в этот момент дорога забрала в право, а когда поднял голову, машина уже летела с обочины по траве.

Я закричала и растопырила руки, Лодин схватил меня и прижал к себе, умудряясь чудесным образом балансировать между потолком и сидением. Но когда телегу перевернуло и завертело, его руки разжались и меня снова стало швырять по повозке. Потом послышался звук разбиваемого стекла. Фил вылетел в боковое окно. Затем оторвалась дверца со стороны Лодина и его будто высосало из повозки. А меня продолжало крутить, как в молотилке.

Перед глазами проносилась вся жизнь. Мама, походы в лес, разжигание костров на праздник весны, пастуший сын и его выбор не в мою пользу. Даже верховный маг с огнекрылым. В груди страшно ухает и жжет, будто там расплавленная глыба, которая не может найти выход. Сквозь зум в ушах слышу собственные крики, а перед глазами мутная круговерть.

Время от времени, смазанная и размытая, в воздухе появляется физиономия Ферала. Кажется, он меня видит и перепуган так, что глаза превратились в плошки.

Откуда-то донеслось:

– Не смей погибать! Ты моя!

– Т-тебя только не хвата-ало-о! – прокричала я, пытаясь растопырить конечности, чтобы не швыряло на стены.

Когда телега остановилась, я с вытаращенными глазами застыла, пытаясь понять, жива ли, или уже попала в Верхний мир. Видение Ферала исчезло.

Попробовала пошевелиться, но ногу пронзила острая боль, будто ее жевал дракон.

Попыталась отодвинуть прижавшее ее сидение и заметила, как впереди в выемке рядом с рычагом плавится что-то маленькое и прямоугольное. Оно быстро сморщилось, когда поверхность пошла дырами, телега наполнилась резковатым запахом, затем накидка сидения вспыхнула.

Я охнула от неожиданности. Несмотря на то, что огонь моя суть, дышать чем-то едким стало трудно, словно горит не привычное дерево или солома, а нечто демоническое.

Когда оглянулась, в оторванную дверь увидела Фила, быстро хромающего к телеге, и Лодина. Он держится за бок, но тоже торопится к повозке.

– Вылезай! – закричал Фил, размахивая руками. – Машина горит!

– Я заметила, – буркнула я и снова повернулась к креслу.

Накидки и сидения охватило пламя. Оно быстро перекинулось на заднее место, и я оказалась охвачена огнем.

Когда кожа ощутила ласковое прикосновение оранжевых языков, я облегченно вздохнула. Это означает, что моя суть действительно никуда не делась, а лишь скрылась под неожиданно затвердевшей плотью. Но пламя все такое же родное и уютное.

Фил остановился в нескольких шагах от телеги, пытаясь закрыться руками от жара. Время от времени порывается броситься вперед, но видимо чувство самосохранения не пускает.

Потом подошел Лодин и стал спокойно смотреть, пока я тужусь, пытаясь отодвинуть охваченное огнем сидение.

До ушей донеслись испуганные слова Фила.

– Машина рванет! Ее надо вытаскивать! Она сгорит!

– Не сгорит, – произнес Лодин.

– Да ты спятил! – заорал Фил. – Звони в службу спасения! Мой смартфон остался в машине!

Когда я все же смогла приподнять сидение и вытащить ногу, Лодин произнес, указывая на меня:

– Смотри.

Подмирец охнул, Лодин довольно сложил руки на груди. Они наблюдали, как я переворачиваюсь и ползу на четвереньках по полыхающей телеге, как выбираюсь из двери, а потом с недовольным лицом иду к ним.

По мере приближения лицо Фила вытягивалось, глаза круглели, а челюсть рисковала упасть в траву. Зато Лодин стоит с победным видом, словно только что доказал самому верховному магу не правоту.

Подойдя к ним, я произнесла:

– Мое платье испорчено.

Лодин окинул меня критичным взглядом и сказал:

– Честно сказать, в таком виде ты куда привычней, леди-пламя.

Я посмотрела вниз. Подол прогорел до самых бедер и ноги теперь бесстыдно видны, на рукавах дыры, а руки черные, будто пол дня чистила трубы.

Фил все еще таращится, как на привидение, которые вообще-то обычно мирные, если не лезть без просу в их дома. Мне стало не уютно, попыталась запахнуться, но вспомнила, что плаща нет. Пришлось подойти к Лодину и встать у него за спиной.

Фил, наконец, обрел дар речи. Голос прозвучал хрипло и сбивчиво.

– Это как… Это кто… Как это… – забормотал он.

Лодин оглянулся на меня, потом произнес:

– Послушай. Она говорил правду, когда назвала нас ветром и огнем. Пламя ей безвредно. Но нам действительно нужна помощь.

– П-помощь?

– Да, – согласился Лодин. – Помощь. Так случилось, что в этом мире у нас нет никого, кто мог бы объяснить, как тут все устроено. Кроме тебя.

– Кто вы такие? – пробормотал подмирец, шумно сглатывая. – Что вы такое?

Лодин сделал шагу в сторону и положил мне на плечо прохладную ладонь, затем произнес, глядя в глаза подмирцу:

– Мы стихии.

Фил зажмурился и с силой потер ладонями щеки. Несколько мгновений стоял, словно надеялся, что мы исчезнем, как дурной сон вместе с его сгоревшей телегой. Но когда открыл глаза и обнаружил нас на месте, из груди подмирца вырвался стон. Он резко развернулся и пошел в сторону деревьев.

Я крикнула:

– Ты куда?

– Домой, – отозвался Фил, не оглядываясь. – Через защитку.

– А мы?

– Вы… – долетело до нас. – Чем бы вы ни были, вам лучше следовать за мной, пока машина не взорвалась.

Лодин цапнул меня за руку и потащил следом за Филом. Едва отошли на пару десятков метров, сзади грохотнуло, нас подкинуло понесло вперед. На лету Лодин успел обхватить меня и спрятать, как в коконе. Я моментально ощутила себя в безопасности, словно сам воздух окутал, как бывает, когда от ветра разгорается пламя. В эту секунду поняла, мы действительно родственники, а его шутки, всего лишь шутки.

На землю упали в таком же положении. Лодин быстро подскочил, приводя меня в вертикальное положение, и покрутил головой. Я тоже стала смотреть по сторонам. Когда увидела в траве Фила, указала пальцем и крикнула:

– Там! Смотри, он там!

Мы подбежали, я стала быстро проверять его, нет ли ранений. Только коснулась низа спины, Фил резко поднял голову и стал отплевываться от травы.

– Надо было идти быстрее, – пробормотал он.

– Ты не ранен? – спросила я.

Фил не ответил. Молча встал, отряхнулся и, не оглядываясь двинулся в том же направлении. Я посмотрела на Лодина, мол, что дальше. Тот пожал плечами и кивнул в его сторону.

Через пару секунд мы снова шли за нашим спасителем, стараясь держаться на некотором расстоянии.

То, что он назвал защиткой, оказалось вполне приятным леском с птицами и белками. Одна бесстрашно спустилась по стволу и с поднятым хвостом подбежала ко мне. Но когда поняла, что у меня еды нет, упрыгала обратно.

– Думаешь, он нам поверит? – спросила я Лодина.

Тот идет с приподнятой головой. Настроение значительно улучшилось, выражение лица время от времени становится привычно лукавым и шутовским. Лишь, когда замечает мой взгляд, снова делает вид, что суров и серьезен.

Он проговорил:

– Думаю, он у же начинает верить. Как бы ты себя вела, если бы вдруг узнала, что к тебе пожаловали гости из Подмира?

– Уж точно не молчала бы, – проговорила я. – Завалила бы их вопросами. Еще бы. Это же гости из Подмира. Да хоть из любого другого. Утром я вообще только Трехмирье знала… Так что, да. Мне было бы очень любопытно.

Лодин хмыкнул.

– Видимо, наш спутник не такой любознательный.

– Знаешь, – проговорила я, глядя в небо сквозь листву, – теперь я понимаю, откуда во мне такое любопытство. Всегда считала себя человеком, пусть и ведьмой, а оказалось…

– Стихия.

– Да.

– И что? – спросил Лодин. – Это что-то изменило?

Я попыталась объяснить:

– Огню положено стремиться захватить как можно больше. Расширяться и полыхать до самых небес. Потом у и хочется узнавать все новое. С начала робко, как лучина, а потом превращаться в настоящий пожар.

– Ты с пожарами аккуратней, – посоветовал Лодин. – Значит, тебе нравится твоя новая ипостась?

Я кивнула и произнесла:

– Да. И новоприобретенные родственники тоже.

Ветер ухмыльнулся и легонько толкнул меня в плечо. По коже от его прикосновения прокатился холодок, я провела пальцами, смахивая мурашки и улыбнулась. А Лодин сказал:

– Ну, мне тоже нравится новая родственница, леди-пламя.

– Надеюсь, не в смысле…

Он отмахнулся.

– Не переживай, леди-пламя. Я чту родственные узы. Тем более, такие. Вот если б не были родней… Хо-хо. Даже немного жаль… Но поверь, ни с кем ты не можешь быть в большей безопасности, чем со мной. Я ветер. Воздух. Я везде.

Я смущенно насупилась и проговорила:

– Хм, надеюсь. Но одно смущает.

– Например, – поинтересовался ветер.

– Мы ведь и познакомиться не успели, как следует, – сказала я. – Фарбус просто вытолкнул с миссией, не дав опомниться.

Лодин прищурился и хитро посмотрел на меня, лицо на секунду стало таким же беспечным, каким было возле Вормхола.

– Хочешь познакомиться? – спросил он.

– Было бы не плохо, – ответила я. – Ты часто меняешься. Хотелось бы понимать, с кем имею дело.

Он прыснул.

– То есть, моего обещания защищать тебя не достаточно?

– Не достаточно, – сообщила я. – Давай. Рассказывай.

Лодин снова окинул меня таким взглядом, от которого по коже пробежали огненные муравьи, а в груди часто застучало. Я мысленно возблагодарила богов за то, что он мой родственник, а не чужой мужчина, разбивающий сердца.

– Ну хорошо, – сказал Лодин. – Слушай. Мое имя ты знаешь. Родился в семье богатого купца из Верхнего пути, это долина такая, если не в курсе.

Я буркнула:

– В курсе. Думаешь, раз я девушка, значит сразу глупая?

Лодин засмеялся.

– Почему глупая? – спросил он. – Я вообще люблю девушек. Как же их не любить? Дальше рассказывать? Ну так вот. Жил и рос, не зная лишений, всего было в достатке. Отец торговал с верховными магами других долин, а те платят очень щедро.

Я спросила с ухмылкой:

– Поэтому ты ведешь себя, как избалованный шут?

Улыбка Лодина стала шире, и я подумала, что с такой внешностью ему нужно быть королем, только с характером придется что-то сделать. Он заметил, как разглядываю его и проговорил довольно:

– Именно. А еще потому, что в двадцать лет узнал, что вообще не человек.

– Как? – выдохнула я.

– Вообще было забавно, – стал рассказывать он. – Две недели кашлял. Никто не мог помочь. А кашлял так, что слуги на нижних этажах спать не могли.

Я протянула впечатленно:

– У тебя и слуги есть?

– Есть, – сказал он. – Но я не об этом. В общем, кашлял, кашлял. Маг Верхнего пути ничего не нашел, сказал, переживаю много. Или наоборот, бездельничаю. От того и кашель. Дал какое-то снадобье и отправил домой. Снадобье я выпил. Но кашель как был, так и остался. Тогда мать в тайне от отца, отправила меня к одной ведьме в Гнилую пасть.

Я охнула, прижав ладонь к губам, а Лодин продолжил:

– Да-да. Именно туда. О дороге говорить не буду. Скажу лишь что девушкам туда лучше не соваться. В общем, эта ведьма возилась со мной неделю, а на седьмой день вдруг давай орать. Мол, вздумал над ней шутить.

– Почему? – удивленно спросила я.

Лодин переступил поросший мхом пенек и сказал:

– Не знаю. Говорит, я вообще не человек, а ветер, принявший человечий облик. И пришел подшутить над ней, а она старая и уставшая. В общем отругала, сказала, чтоб в таком виде больше к ней не являлся.

– Как-то несправедливо, – заметила я. – Ты ведь сам не знал. Какое право она имела на тебя кричать?

Он сдвинул плечами и усмехнулся.

– Значит, ты на моей стороне? Приятно. Но вообще у нее было интересно. Много нового услышал. Точнее, подслушал. Ты, например, знала, что коты, вороны и яги могут перемещаться между мирами без Вормхола и цветков?

Я даже охнула, прикрыл рот ладонью. Потом спросила, не веря ушам:

– Но как это? Почему Фарбус ничего не сказал?

Лодин отмахнулся и произнес:

– Он и не должен был. Коты, вороны и яги это… как бы… Слово какое-то ведьма говорила… тренценде… трансцендентальное… Не помню. Они, вроде, и во всех мирах, и одновременно не принадлежат ни одному. Она еще кого-то называла. Но я не запомнил. Слишком замороченная ведьма.

– А разве они не могут сами забрать этот цветок? – спросила я.

Ветер показал головой.

– Видимо, не могут, если стихий посылают. Да и не видел я котов, который букеты рвут.

– А яги? – не отступала я, не имея понятия, кто это такие.

– Не чувствуют, – уверенно сообщил Лодин. – Фарбус говорит, только стихия может ощутить запах цветка. Да и кто знает, может, в Подмире их нет. Как в Гнилой пасти или в Верхнем пути. Кто знает, где яги еще остались. А вообще, мне жилось спокойно, пока та ведьма не вправила мозги. Но я не жалуюсь.

Он подмигнул, а я вздохнула. В голове промелькнули образы из детства, когда никто из детей не хотел со мной играть после того, как случайно подожгла волосы пастушьему сыну. Всего лишь макушку, а он вопил так, словно обожгли, как петуха перед варкой.

Когда заметила, как Лодин на меня вопросительно смотрит, проговорила:

– Что ж, тебе повезло больше.

Он пожал плечами, подняв взгляд на спину Фила, который идет далеко впереди и даже не оглядывается.

– Может быть, – сказал ветер. – Твоя очередь вещать.

– Да нечего вещать, – бросила я. – Ты почти все знаешь.

– Но все-таки.

Я покосилась недовольно, но он смотрит выжидательно, такой точно не отстанет.

– Ладно, – сказала я. – Слушай. Но тут ничего интересного. Родилась в той избе, где ты сегодня продырявил крышу. Мать растила меня одна. Друзей нет. Все с детства боялись, что подожгу. А дом и так находится на самом отшибе. Так что общения с собой было предостаточно.

– Сочувствую.

– Да нечему, – фыркнула я. – Уж лучше одной, чем с толпами зевак, которые хотят поглазеть на вспыхивающую девушку. Потому, что платье на ней сгорает до нитки.

Лодин снова расплылся в улыбке. На плечо села жирная муха, он замахал на нее, муха поднялась и с недовольным жужжанием улетела в ветки.

– Я бы тоже поглазел, – произнес он. – Ну так, для эстетики. Мы же, вроде, как родственники.

– Я тебе поглазею, – пригрозила я, отведя руку назад, но с запозданием вспомнила, что в этом мире огонь не вызвать. Пришлось опустить. – Тебе жениться надо, чтоб усмирить ветреность.

Ветер замахал руками.

– Не поможет, – сказал он, усмехаясь. – Ты давай, рассказывай. Не уходи от темы.

Я сделала глубокий вдох и продолжила:

– Потом выяснилось, что с моей помощью можно избавиться от огнекрылых. Когда нагрянул Ферал, меня пообещали отдать ему в ночь Лунного сияния. Я согласилась, иначе моя любимая Звенящая Долина превратилась бы в пепел. Вот и все.

Лодин нахмурился. Лицо быстро потемнело, как готовая прорваться грозовая туча, жвалки заиграли, а в глазах завертелись вихри.

Он отвернулся и проговорил:

– Это жестоко и не честно.

– Они сказали, что у меня был выбор, – горько усмехнулась я.

– Не было, – процедил Лодин.

– Вот и я о том же.

Лесок резко кончился. Перед нами возникла грунтовая дорога, будто кто-то проложил ее ровно до деревьев, но дальше возиться не стал. Впереди небольшой дом с несколькими постройками пониже. Фил быстро шагает в направлении к нему.

Мы поспешили, боясь, что запрется и не впустит. Но едва поднялись на порог, Фил прошел к столу, на котором сверкает бутыль с коричневой жидкостью, выпил прямо из горла и повернулся к нам.

– Так, – сказал он. – Теперь рассказывайте.

Глава 5

Я видела, как Лодин задумчиво уставился в потолок, на котором прилеплены два белесых диска. Фил сделал еще один глоток, потом протянул бутыль мне. Пару секунду я сомневалась, размышляя, принято ли в Подмире травить гостей, особенно непрошенных. Потом все-таки взяла.

Когда поднесла горлышко к лицу и вдохнула, в нос ударил резкий запах, глаза вытаращились.

– Фу! – выдохнула я. – И ты это пьешь?

– Что, – отстраненно спросил Фил и сел на табуретку, – резковато? В первый раз всегда не привычно. Хотя, если честно, не все любят виски. Местные вообще самогон попивают.

Я брезгливо поставила бутыль на стол и отшагнула. Подмирец потер переносицу и зажмурился, когда открыл глаза, произнес:

– Что же мне с вами делать…

Черноволосый, наконец, нагляделся в потолок, взгляд опустился к Филу.

Он сказал:

– Раз взялся помогать, доводи до ума. Ты и так узнал больше остальных, придется что-то с этим делать.

Фил снова потер переносицу.

– Мда… – протянул он. – Мда… Возможно… видимо. Гм… В действительности, знаю я пока маловато.

Лодин выдохнул удивленно:

– Ты же видел, как девушка сквозь огонь ходит.

– Вот это и не укладывается в голове, – пробормотал Фил. – Хотелось бы подробностей.

– Не знаю, с чего начать, – сказал ветер, сдвинув плечами.

– Начни с начала, – предложил наш спаситель.

Лодин набрал воздуха и произнес торжественно:

– В начале не было ничего, был пустой космос и…

– Стоп-стоп, – сказал Фил, махая руками. – Историю сотворения мира мне рассказывать не надо. Тем более, она никому не известна. Объясняй лучше, почему твоя подруга вылезла из горящей машины и только платье продырявила?

Лодин открыл рот, чтобы ответить, но я опередила.

– Это мы и пытались тебе сказать. Мы не люди. Точнее не люди, в привычном понимании.

Лоб Фила сморщился, он снова схватился за бутыль и опрокинул глоток в горло.

– Так… – протянул он. – Так…

Я продолжила:

– Не уверенна, что могу рассказать все. Но уверяю, огонь мне безвреден. А он…

Я кивнула на Лодина, который напрягся, словно натянутая тетива и следит за каждым словом, боясь, что сболтну лишнее.

– Он… Он знает толк в воздухе.

Фил потер лоб и уставился в пол. Просидев так несколько мгновений, поднялся и прошел в дверь, завешенную ветхой тряпкой. Когда прошло минут пять, а он все еще не вернулся, Лодин вопросительно посмотрел на меня. Я пожала плечами и на полупальцах двинулась вперед.

Черноволосый пошел следом, тихо, как кот, крадущийся за мышью. Приблизившись к занавеске, я аккуратно отодвинула и заглянула внутрь.

Комната оказалась темной. Лишь прямоугольное свечение пытается рассеять мрак. Рядом с ним, сгорбившись, сидит Фил и быстро стучит пальцами по пластине с рядами сияющих букв. Взгляд направлен в прямоугольник, лишь изредка опускает его, но тут же снова утыкается вперед.

Я неуверенно позвала:

– Фил?

Он не отозвался. Тогда тихонько прошла дальше. Когда заглянула ему через плечо, в груди вспыхнул тихий восторг вперемешку со страхом перед неведомым подмирским артефактом.

На светящемся прямоугольнике бегут картинки, какие-то надписи, Фил тыкает куда-то справа, картинки открываются, а под ними возникают тексты, для которых потребовалось бы куча пергаментов.

Сзади подошел Лодин, послышался удивленный вздох, а я спросила:

– Что это?

– Пытаюсь найти что-нибудь о других мирах, магии и, на всякий случай, психотропных веществах, – ответил Фил.

Я снова осторожно поинтересовалась, стараясь не напугать подмирца еще сильнее:

– Ты ищешь сведения в этом магическом… Прямоугольнике?

Он покосился на меня. В свете прямоугольника его лицо показалось бледнее обычного, словно он мертвец, причем оживший.

Меня передернуло, а Фил, прочистив горло, отвернулся обратно и произнес:

– Кхм… Магическом? Гм… Это называется компьютер и… интернет.

Лодин толкнул меня в бок и прошептал со знающим видом:

– Магия Подмира.

– Тебе-то откуда известно? – ответила я таким же шепотом.

Лодин сказал, сдвинув плечами:

– Это закономерно. Мы же в Подмире. Значит, магия тоже подмирская. Неведомая и опасная. Лучше с ней не связываться.

– И это говоришь ты? – удивилась я. – Ветер, который даже Ферала не боится? Бесстрашный и непобедимый?

– Еще сообразительный и находчивый, – добавил он.

Я пробурчала:

– А главное, скромный.

Черноволосы поморщился и отвернулся. Потом прошелся по комнате и остановился возле шкафа с книгами. Все полки заставлены фолиантами разных размеров, даже в темноте видно, как их много.

А я снова стала заглядывать через плечо Филу. Тот бросил на меня опасливый взгляд, потом вытащил из-под стола еще одну табуретку и жестом указал сесть.

Я повиновалась, а он развернул ко мне прямоугольник, точнее, «компьютер» и сказал победным тоном:

– Вот. Смотри. Написано куча всего. Но, что важно, никаких эмпирических данных. Магия – это выдумка. Фантазия. Интернет-энциклопедия, конечно не истина в последней инстанции. Но будь это все правдой, данные где-то да просочились бы. Так что, господа, советую, рассказать все, как есть. Без небылиц об огне и воздухе.

– Но это правда, – изумилась я.

Фил развернул прямоугольник обратно.

– Ну конечно, – фыркнул он. – А гномы оставляют горшки с золотом на дорогах.

Лодин бросил, не отрывая взгляд от шкафа:

– Гномы бы никогда не оставили свое золото на дороге. Чушь какая. Кто тебе такое сказал? У этих скряг зимой снега не допросишься. Золото? Куда там!

Фил нервно повел плечами и покосился на черноволосого, проверяя, не издевается ли. Но тот внимательно разглядывает корешки фолиантов, время от времени ковыряя из ногтем, лицо серьезное и сосредоточенное.

– Не поспоришь, – согласилась я. – Гномы действительно ужасные скряги. И дел с ними иметь себе дороже. Но…

– Слушай, – произнес Фил, покрываясь красными пятнами, – ты красивая. И мне не хочется тебе вредить. Понятно, что полицию вызывать не стану. Но можешь мне поверить, найдется масса способов добиться от вас правды. Хватит мне лапшу на уши вешать. Говорите, кто такие, за что полиция задержала?

Услышав это, Лодин, резко обернулся. Лицо потемнело, как грозовая туча. В правой руке огромная книга с изображением зелено-голубого шара, а левая сжата в кулак до хруста.

Он произнес тихо, но отчетливо:

– Не смей угрожать нам, подмирец. Мы пришли сюда не для вражды. И ты сам вызвался нам помочь. Не знаю, какие у вас правила, но мне казалось, законы гостеприимства работают везде.

Фил задумчиво посмотрел в потолок и протянул:

– Ну… Возможно.

– Поэтому, – продолжил Лодин, – твой священный долго нам помочь. Мы с Агатой родственники, хотя, если честно… В общем, я буду защищать ее от любых неприятностей. Это ты тоже должен запомнить.

– И я должен поверить в чепуху про огонь, воздух и… Что еще? Гномов?

– О гномах можешь забыть, – сказал Лодин. – Думаю, они не понадобятся. Тем более, в Подмире их, скорее всего нет. Но в остальное, да, придется поверить.

– Очень мило, – произнес Фил, оглядев меня с ног до головы таким взглядом, от которого по коже пробежали огненные муравьи. – Но я до сих пор ничего не понял. А пока не знаю, что вы за фрукты и что тут делаете, предпочитаю обороняться.

Я послала тревожный взгляд Лодину. Тот напрягся еще сильнее, по лицу скользнула грозовая тень, а глаза потемнели, словно внутри зарождается буря. В который раз отметила, что он до безобразия хорош в любом облике, а значит опасен. И порадовалась родству с ним.

Когда первый раз увидела Фила в доме стражников, тот показался щуплым и невзрачным. Видимо, балахон сделал свое дело потому, что сейчас на стуле со спинкой, в голубоватом свете «компьютера» он выглядит как какой-то темный принц. Черты лица угловатые, глаза большие, а скулы заостренные, чем еще больше напоминает мертвяка.

Он откинулся назад и внимательно смотрит на меня, будто старается докопаться до самых сокровенных мыслей.

Я поежилась и отсела вместе со стулом, потом послала еще один взгляд Лодину и сказала мрачно:

– Наверное, придется ему рассказать.

Черноволосый отозвался еще мрачнее:

– Что мне совсем не нравится.

– А есть другой путь? – спросила я со вздохом. – Посмотри, как он злится. Злой подмирец вряд ли будет полезен.

– Расскажите-расскажите, – быстро проговорил Фил. – Я весь во внимании. Прям весь извертелся от нетерпения.

Я снова вздохнула и произнесла:

– Ладно. Слушай.

Я начала говорить. По мере того, как углублялась в подробности, которые сама не очень-то знаю, лицо Фила менялось. Оно становилось то бледным, то покрывалось пятнами, то снова приобретало землистый оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.